

Олег Губайдулин

ПАЛАЦ
ДЕМОНА

18+

Олег Нильевич Губайдулин

Палач Демона

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42614458

SelfPub; 2019

Аннотация

Тяжело раненный офицер царской армии обращается к демону в надежде вернуть любимую. Но обманутый им, теряет природу человека и становится ведуном-оборотнем. Кошмарные убийства, тянущиеся со времен Октябрьской революции, продолжаются. Посреди свадебного торжества убивают дочь бизнесмена, а ее жених сходит с ума. Следственная группа в тупике, а "братки", пустившиеся по следу, расстались с жизнью. Полицейские отказываются верить в оборотня. Несчастный отец нанимает детектива из Франции – специалиста по нечисти, который оказывается внуком ведуна-оборотня. Ищущие истину оказываются в плену у демона. А палач ищет прощения.

...Закат явился мрачно и торжественно, словно облаченный в пурпурную тогу палач. И красное солнце отрубленной головой покатилося на эшафот, обитый сиреневым бархатом наплывающих облаков. Края их постепенно пропитывались зловещим багрянцем свежeproлитой крови...

День был казнен. А в черное небо, прячась за призрачной вуалью недосказанности, уже медленно ползла любимица страшной богини ночи – мертвенно бледная Луна...

...Франция, кладбище городка Этамп...

Бледный молодой незнакомец молча склонился над старой могилой. На покосившемся, изъеденном дождями каменном кресте он с большим трудом, но все же сумел разглядеть одну единственную маленькую буковку: «н»... И худощавое лицо его исказила гримаса невыносимой боли...

– Ах, какой красивый сегодня закат! – вдруг раздался рядом громкий возглас. Нет, он просто страшен в своем великолепии! Вы не находите? Говорили по-русски... Обернувшись, мужчина увидел низкорослого худощавого старика. Его согбенную фигуру облегал серый английский костюм, а из-под брюк выглядывали черные носы дорогих итальянских туфель. Указав на небо своею тростью с серебряным, кажется, набалдашником, случайный прохожий продолжал: "Не закат, а чисто тот alexandрит, который в апреле 1834

года открыл член-корреспондент Петербургской Академии наук господин Норденшелд. Помниться, говаривал я ему за чашечкой кофейку на Невском: "Нехороший камень ты, дружок Нильс, откопал, дурной камешек... Не следовало того зла у земли отымать! Пусть бы себе лежало... Верно, ведь?" – забавно, по-птичьи склонив голову набок, поинтересовался странный старик.

– Говаривали?.. – машинально переспросил молодой человек. В апреле 1834 года то?..

– Да, точно так-с! – изящно поклонился его собеседник.

– Но закат тут причем? – тихо поинтересовался незнакомец.

– Так он, точь в точь, такой же лживый, как и эти самые александриты! – ответил старец и не слишком-то вежливо поднес свою трость почти к самому носу визави. Набалдашник ее был выполнен в виде оскалившего пасть неведомого хищника. И зверь в упор уставился на молодого мужчину двумя своими глазами из зеленых драгоценных камней. Неожиданно оба окрасились красным.

– Вон как переливаются, только что зелеными были, как надежда, а теперь алым заплыли! – воскликнул неприятный старик. Знать, кровушку близкую почуяли... Да и закат... Недоброе он тебе сулит, ох и недоброе...

– Извините, но я вовсе не расположен к беседе, – мрачно взглянув на старика, ответил молодой. И, помолчав, тихо произнес: "Я узнал тебя, чего хочешь?"

– Думаешь, Луна успокоит твоих мертвецов?.. – осклабился тот прямо ему в лицо. Выбор сделан – жизнь победила смерть, а любовь убьет эту жизнь ... Простят ли душу, да и осталась ли она здесь еще?..

Бросив на прощание взгляд, в котором острая, пылающая ненависть причудливо смешалась с ледяным презрением, старик круто повернулся на каблуках и быстро зашагал прочь...

Глава 1

Луна небрежно швыряла на землю белесый свет. Точно так пьяный гусар, бахвалясь перед толпой, бросает серебро сидящей на паперти нищенке.

Большой, трехэтажный особняк на берегу живописной речки весь сверкал и переливался разноцветными огнями. Его владелец – успешный питерский бизнесмен Николай Михайлович Артемьев женил своего единственного 25-летнего сына Михаила на дочери экс-депутата законодательного собрания Георгия Степановича Никитина - 19-летней красавице Светланке. Стоит ли говорить, что свадьбу гуляли с размахом? С обеих сторон были приглашены не менее трехсот гостей. И теперь, когда большинство речей уже были сказаны, а подарки вручены, люди начали знакомиться между собою. Они бродили не только по залам особняка, но и по всей приусадебной территории. К слову, она была оформлена на манер старого английского парка и занимала не меньше пяти с лишком гектаров. Пока гости гуляли под молоды-

ми березками, липами, кленами и дубами, с речки потянуло вечерней прохладой.

Жених с невестой стояли среди шумной компании друзей. И никто не обратил внимания, на высокого худощавого юношу. Его бледное лицо оттеняла густая грива черных волос. Затаившись за толстым стволом старого дуба, он, не отрываясь, смотрел на Светлану. И в глазах незнакомца застыла такая мука, что, казалось, способна была растрогать даже камень. Но никому из присутствующих не было до него никакого дела.

Молодых сильно утомило общение с родными, бесчисленными друзьями и просто поддипалами, коих немало на подобных мероприятиях. Поэтому, немного пошептавшись, жених с невестой решили попросту сбежать. Улучив минутку, Светлана и Михаил выскользнули за ворота ограды и направились к берегу реки.

– Светик, айда спрячемся в старой усадьбе, – предложил жених.

– Давай! – охотно поддержала его девушка. Там нас точно никто не найдет!

Довольно хихикая, счастливые новобрачные выскользнули из ворот и быстро направились прочь от особняка. Они полагали, что остались незамеченными. Однако, следом за ними, хотя и держась на приличном расстоянии, двинулись и трое молодых людей в одинаковых черных костюмах. С левой стороны пиджаки у всех троих подозрительно оттопыри-

вались. Опытному человеку достаточно было бросить на них всего лишь один взгляд, чтобы понять: это телохранители. Причем, все-правши, так как оружие висело в "оперативках" на боку слева.

Идти молодым пришлось не очень долго, так как развалины помещичьей усадьбы находились всего в каких-то трехстах метрах от особняка Артемьева. Но шли они осторожно, ведь тропинка вся заросла травой и низким кустарником. Наконец, минут через десять, молодые люди оказались перед чудом сохранившимися старыми коваными воротами, запорными на огромный замок. И хотя вокруг все было тихо и спокойно, Михаил вдруг почувствовал, как мороз пробежал по его коже. Ржавый запор на воротах, будто явился для них со Светланой неким предупреждением. Казалось, он говорил: "Проход закрыт, а зайдешь – худо будет!" Но, по правде сказать, это была не более, чем простая формальность. Ведь барская усадьба уже давно лишилась ограды и теперь от былой солидности помещичьего гнезда сохранились лишь одни ворота, которые можно было легко обойти. Справа и слева от них утопали в жухлой траве остатки красной кирпичной кладки. Той самой ограды, которую озлобленные крестьяне снесли в 1918-ом.

Но молодые этого не знали, да и не было им до тех далеких трагических лет никакого интереса.

Строение, хоть и было частично разрушено, все же сохранило былую красоту. Белая двухэтажная усадьба на вы-

соком цоколе с бельведером в левой части крыши отдаленно напоминала итальянскую виллу. Цокольный этаж, отданный раньше под хозяйственные нужды, словно приподнимал верхнюю жилую часть и превращал её в архитектурную доминанту. На первом и втором этажах располагались двадцать семь комнат и зимний сад. Фронтальная часть здания пустыми глазницами высоких стрельчатых оконных проемов глядела прямо в большой приусадебный парк. Когда-то тщательно ухоженный, сейчас он превратился в самый настоящий лес. Опутанный переплетенными ветвями вязов, лип, елей, дубов и кустарника, старый парк выглядел пугающе мрачным.

Кое-как продравшись через все эти дикие заросли, Михаил и Светлана остановились перед широкой мраморной лестницей главного входа.

Ранее поражавшая гостей парадной белизной, сейчас вся она была покрыта слоем грязи. Из-под нее проглядывала частая сеть мелких трещин. Слева, метрах в сорока от здания, на одной линии с ним, виднелись развалины дома приказчика. Справа от южного входа в имение высился, чудом не разрушенный в годы гражданской войны, склеп.

– Пойдем? – кивнув на лестницу, спросил Михаил. Светлана молча кивнула. Взявшись за руки, они молча шагнули в темнеющую пасть парадного входа. Казалось, он ощерился на них обломками красного кирпича, окаймлявшего дверную арку. "Словно, обломки

зубов старика!" – подумал парень. Пройдя несколько шагов, Михаил и Светлана остановились посреди вестибюля. Сквозь рваные дыры в кровле их облила своим молочным светом полная Луна.

– Жутковато здесь, правда?.. – тихо спросила Светлана у своего спутника. Но тот лишь пожал плечами.

– Ничего сверхъестественного, обычные развалины. Хотя он и старался произнести эти слова уверенным тоном, голос его предательски дрогнул. Ведь в каждом из нас сидит глубоко затаенный страх перед таинством ночи. Однако совсем немногие могут в этом признаться даже самим себе...

Досадуя за проявление минутной слабости, парень двинулся было дальше. Но в этот миг послышался какой-то шорох.

–Что это?! – испуганно вскрикнула Светлана. Кто здесь?

– Я пойду, взгляну, а ты тут подожди, – предложил Михаил.

– Нет, одного я тебя никуда не отпущу! Пойдем вместе! – твердо возразила девушка.

–Тьфу, ты, черт! – вдруг выругался Михаил. Да это же наша охрана! В самом деле, обернувшись, Светлана увидела сквозь оконный проем двух парней в костюмах. Они крались через кустарник.

– Вот же достали! – громким шепотом возмутился Михаил. Пошли, спрячемся наверху! Схватив Светланку за руку, он потащил ее по боковой каменной лестнице на второй

этаж.

Оказавшись на площадке, окаймленной красивыми балясинами из белого мрамора, они увидели справа чудом уцелевшую дверь. Она была закрыта.

Взявшись за позеленевшую от времени бронзовую ручку, Михаил толкнул ее. Тяжелая дубовая дверь с тихим скрипом медленно отворилась. Заглянув внутрь комнаты, а лучше сказать, небольшой залы, наша парочка обнаружила ободранные стены, с которых местами свисали обои.

– Гляди, это, ведь, не бумага! – прошептал Михаил, щупая пальцами пыльный лоскут.

– Конечно, не бумага, – ответила ему Светлана. Это шелк.

– Интересно, зачем стены материей обтягивать? – искренне удивился ее спутник. Бумажных разве не нашлось?

– Так, это же модно было в те времена, – пояснила девушка, разглядывая пол. В прошлом он состоял из наборного дубового паркета. Сейчас, впрочем, плашки были почти начисто ободраны. Видимо крестьяне топили ими свои избы. Но в углу остатки паркета еще сохранились. Там же виднелся и небольшой камин с остатками мраморной полки. Перед ним раскорячило четыре резные ножки старинное деревянное кресло с кожаным сидением.

– Странно, как это оно сумело пережить революцию и две войны? – удивился Михаил.

Тут, словно ему в ответ, послышался мелодичный звук колокольчика.

– Снова эти, из охраны, – с досадой проворчал парень и спросил свою спутницу, – вернемся назад, что ли?

– Почему из охраны? – спросила Светлана. Они у вас, что, как коровы с колокольчиками ходят?

Вопрос невесты поставил парня в тупик.

– Да, нет, вроде.., – пробормотал он, пристально вглядываясь в угол.

– Может, на мобильнике у кого-то из них такой звонок стоит?

– Смотри, смотри! – прошептал Михаил, сильно сжав руку девушки. И надо сказать, посмотреть действительно было на что.

В трепетном лунном свете обоим показалось, будто кресло, вдруг начало шевелиться. Постепенно, будто выплывая из стены, перед оторопевшими молодыми возникла череда изумительных картин и сюжетов. Из того угла, возле камина, неведомо откуда появилась пожилая дама в прекрасном длинном платье. Она, стоя перед седовласым стариком в парчовом домашнем халате, что-то говорила ему. Он, внимательно слушая, временами задумчиво покачивал головой. И без всяких подсказок было ясно, что эти двое – хозяйева усадьбы.

Михаил и Светлана, застыв на месте, лишь молча наблюдали за ними.

Старик, привстав, ласково погладил свою супругу по щеке, а затем, обернувшись к ней, что-то встревожено сказал...

Вытянув сухую руку, хозяин указал на камин, видимо, увидел там нечто. Но, проследив за его взглядом, Михаил и Светлана ничего не заметили. В это мгновение элегантная женщина и импозантный седой старик вдруг исчезли, словно растворились в призрачном лунном свете. Серебряные лучики задрожали, будто бы какой-то невидимый искусник ткал из них следующий туманный сюжет...

И тут прямо из пасти камина неожиданно выплыла чья-то огромная, расплывчато-темная фигура. Присмотревшись, Михаил с изумлением отметил, что рядом с нею, а может и прямо в ней, двигался светлый человеческий силуэт. Но, по сравнению с темной фигурой, он казался совсем маленьким.

...Сверкнули полные злобы красные очи с большими блестящими черными пятнами вместо зрачков. И вот, что самое удивительное, они показались Михаилу человеческими! Хотя умом он понимал, что подобных глаз ни у кого из людей нет и быть не может.

На долю секунды перед его лицом мелькнул жуткий оскал белоснежных клыков и в то же мгновение, кто-то резко оттолкнул его в сторону.

– Назад!!! – услышал он у себя за спиной дикий вопль. ... Кошмарный вой... Леденящий душу предсмертный вскрик Светланы... А затем – ужасное хрюскающее и влажное чавканье, будто кто-то жадно обглаживал с костей сырое мясо...

Глава 2

...Есаул Константин Маматов с усилием открыл глаза.

Над ним раскинулся черный шатер бездонного ночного неба. Покажется странным, но обрести сознание он смог только благодаря страшной боли. Один очаг ее, тянущий, будто прожигающий внутренности, сосредоточился в животе. Второй, пульсирующий, раскалывал голову есаула. Будто кто-то маленький, но чрезвычайно сильный, залез в череп и стал безжалостно колотить изнутри тяжелым молотом. От этих жестоких ударов голова готова была взорваться и разлететься на куски. Проведя рукой по лбу, офицер ощутил что-то липкое и вязкое. И не сразу понял, что это его кровь. Он больно уколол обо что-то свою ладонь. – "Что там еще?!.." – подумал есаул, пытаясь вытащить непонятный предмет из своей головы. Но, едва тронув, вновь потерял сознание... Когда же пришел в себя во второй раз, то увидел над собой лишь темно-зеленую ткань – тент большой армейской палатки. И опять нырнул в пугающую темноту. Потом он еще несколько раз приходил в себя, но лишь с тем, чтобы спустя какие-то минуты, снова окунуться в беспамятство. Иногда ему казалось будто он находится на корабле. Волны качали судно сильно, но, как-то неравномерно и совсем не в такт. При этом вокруг все плыло в багровом тумане. Когда сознание вернулось вновь, первое, что увидел есаул, открыв глаза, был... воробей. Он превесело скакал по подоконнику.

Воистину неисповедимы пути человеческого сознания! Ну, как, скажите на милость, могут быть связаны между собой эта маленькая птичка и война?! Тем не менее, увидев

воробья, Константин, почему-то сразу вспомнил все, что с ним произошло. Перед его внутренним взором медленно поплыли картины.

... Казачья лава из нескольких сотен всадников катилась по небольшой равнине прямо на австро-венгерские окопы. Оттуда смертоносными бичами хлестали винтовочные залпы и пулеметные очереди. Перемахнув через бруствер передней оборонительной линии, Константин увидел трех вражеских солдат. Один из них вскинул карабин и прицелился прямо в лицо есаулу. Увернувшись от пули, всадник описал клинком свистящий полукруг и рубанул австрийца по правому плечу. Шашка легко развалила врага почти до живота. И дивиться тут нечему. Ведь это была самая настоящая гурда. Что подтверждалось выбитым на клинке клеймом – хищными зубами, а на серебряной рукояти можно было рассмотреть рисунок волка. Клинок этот больше ста лет назад в одном из чеченских аулов выковал старый мастер.

Шашку есаулу вручил его отец – отставной поручик лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Евгений Петрович Маматов.

– "Да, папенька страстно обожал всякого рода холодное оружие и собрал довольно большую коллекцию славных клинков!" – подумал есаул.

... Второму солдату шашка врубилась прямо в середину черепа, да так быстро, что тот не успел даже вскрикнуть. Третий бросился было бежать. Но разве сможет человек обо-

гнать казачью лошадь? Миг! И беглец уже валялся на рыжей от крови траве, корчась в предсмертной агонии...

В тот памятный день, когда русские войска Юго-Западного фронта начали грандиозное наступление на австро-венгерские и германские войска. Знаменитый Брусиловский прорыв. Ему предшествовали ожесточенные сражения. Бои шли все лето, а к сентябрю русские войска завладели частью Восточной Галиции и всей Буковиной, ранее принадлежавшие Австро-Венгрии. Неоценимый вклад в победоносное наступление внесли семнадцать Донских казачьих полков и девятнадцать отдельных и особых казачьих сотен.

29 мая (11 июня по новому стилю) 1916 года, 1-я Донская дивизия с левого фланга прорвалась вглубь расположения австрийцев и взяла две тысячи пленных. В пылу атаки на важный железнодорожный узел Ковель, казаки, словно нож сквозь масло, прорезали оборону противника. Они так глубоко прорвались во вражеский тыл, что даже обогнали несколько бежавших в панике австрийских пехотных частей. В этот момент противник открыл по наступающим артиллерийский огонь. Под него то и попали прорвавшиеся в тыл австрийцам казачьи сотни.

...Перед глазами Константина Маматова что-то вспыхнуло. Да так, что на миг затмило солнце, плывшее в зените! Следом раздался оглушительный взрыв, но он его уже не услышал. Мощная взрывная волна швырнула всадника на землю. Скатившись по склону холма, он замер, уткнувшись

лицом в жухлую траву. Мимо с оглушительными криками неслись кавалеристы. Грохотали выстрелы, сверкали казачьи шашки, падала изрубленная прислуга австрийских орудий... Несколько снарядов, разорвавшись прямо перед наступающей третьей особой сотней, разом накрыли более десятка всадников...

... – Где я? – прохрипел раненный.

– В госпитале, – ответила ему красивая и милая рыжеволосая незнакомка в форме сестры милосердия. Ее огромные голубые глаза глядели на него с сочувствием и состраданием. Константин Евгеньевич попытался приподняться, но она не позволила ему этого сделать.

– Лежите спокойно, пожалуйста, господин есаул! Вам нельзя шевелиться! У вас очень высокая температура!

Но пациент оказался непослушным и весьма любопытным. Дождавшись, когда его собеседница отвернется, он ощупал свой лоб. Пальцы наткнулись лишь на шершавую повязку. Никаких посторонних предметов там не было.

– Наверное, показалось? – подумал он. И тут же скорчился от резкого приступа острой боли, скрутившей ему живот.

– Сестричка, скажите, сколько времени я у вас здесь лежу?

– Вторые сутки уже пошли, – ответила медсестра. – Вас из полевого лазарета привезли без сознания.

– Куда меня?... – невозмогая боль и накотившую вдруг тошноту, спросил Маматов.

– Все нормально! – постаралась успокоить его девушка.

Но по той поспешности, с которой она кинулась это делать, есаул понял, что все вовсе не нормально.

– Так-так! – прозвучал наигранно бодрый голос.

– Что тут у нас?..

– Владимир Евграфович, раненный спрашивает как у него дела, – пояснила медсестра.

– Я ваш доктор, уважаемый Константин Евгеньевич. Меня зовут Владимиром Евграфовичем Маличем, – представился вошедший. Врач оказался невысоким, плотным мужчиной лет сорока пяти.

– Доктор, скажите, почему у меня так болит живот? – попросил есаул.

Тот неторопливо снял пенсне и принялся протирать стекла носовым платком. Видимо, собирался с мыслями. Он хотел преподнести пациенту правду так, чтобы не шокировать раненного.

– Видите ли, милостивый государь, вам сильно досталось, – пояснил доктор. Другой после таких ранений на месте бы Богу душу отдал, а вы – молодец! Теперь подштопаем вас, а там снова пойдете шашкой махать.

Однако, почувствовав в тоне доктора некую фальшь, есаул настойчиво повторил: " Доктор, не надо меня жалеть! Скажите, выживу или пришла пора звать священника?"

– Да, не часто такие, как вы встречаются, настырные, – проворчал Владимир Евграфович. У вас два ранения и оба очень серьезные. Одно в голову, а второе в живот. Какое тя-

желее даже сказать не берусь. Когда вас санитары в поле нашли и в лазарет привезли, то сразу же положили отдельно. Вместе с мертвыми. Об этом мне ваши казаки рассказывали. Не взыщите, ваше благородие, такой уж вид у вас был, не вполне живой, скажу я вам! Но потом опомнились. Внесли в палатку к хирургам. Там один молодцом оказался, вскрыл вам брюшную полость и заштопал желудок.

– А кишки, что-же?... – поинтересовался Константин Евгеньевич.

– Тут вам повезло, кишечник не задело. А потом вас к нам направили.

– Так я сейчас где? – спросил раненный.

– В тыловом госпитале, – ответил врач.

– Где?! В каком городе, в какой деревне, черт вас дери! – вспыхнул есаул.

– Тихо-тихо, – примирительно понизив голос, попросил его доктор. Сейчас все вам расскажу. В настоящее время вы в госпитале, неподалеку от Луцка.

– Какого черта?! – удивился Маматов. Какой к бесу Луцк?! Я же под Ковелем был!

– Не чертыхайтесь, ваше благородие, – попросил его Владимир Евграфович. Тоже, надо признаться, взяли манеру! А как он возьмет и явится вдруг?

– Вы сами-то не лучше него, – проворчал офицер. Обещали рассказать, а не говорите ничего, лишь крутите чего-то...

– Ладно, ладно, сейчас расскажу, – махнул рукой док-

тор. Так вот, ранили вас действительно под Ковелем. Потом привезли в полевой лазарет.

Вы ведь по пути в сознание не приходили? – сам себя перебил Владимир Евграфович.

– Почему? Приходил! – ответил раненный офицер. Помню как с врачом поругался. Он, когда мне рану на животе осматривал, зачем-то туда что-то засунул. Я от боли тогда аж взревел. Потом опять сознание потерял. И так несколько раз. Голова раскалывается, живот жжет, словно туда раскаленный прут засунули, а все вокруг будто в красном мареве.

– Чудеса! – сам себе сказал хирург. Как вы, сударь, вообще такую дальнюю дорогу-то выдержали? Ну, да на войне и не такое случается. Из под Ковеля, где вам в лазарете оказали первую помощь, вас отвезли сюда.

– Так, это же сколько времени меня сюда тащили? От Ковеля до Луцка же верст шестьдесят будет! – не поверил Константин Евгеньевич. Какое сегодня число?

– 3 июня (15 июня по новому стилю) 1916 года, – ответил доктор. А доставили вас позавчера и, до сего момента, вы были без сознания.

– Кто привез, на чем? – поинтересовался есаул.

– Трое донцов-казаков вас доставили, – вступила в разговор медсестра.

– На подводе? – перебил ее раненный.

– Если б на подводе, то не доехали бы вы, милостивый государь, – покачал головой Владимир Евграфович. Они меж

двух лошадей скаковых люльку вам соорудили. Австрийскую палатку брезентовую не пожалели! Вас, раненного, туда положили и поскакали, что есть мочи. Тот хирург, что вас штопал, наказал им везти, как можно быстрее к нам. Иначе, мол, помрет есаул... Так вот, голубчик, они всего за одни сутки и обернулись. Когда я увидел донцов, то сразу же спросил, куда вас ранило и сколько времени в дороге были? -ело в том, что при ранениях в желудок, ни есть не пить в ближайшие сутки после операции не рекомендуется. И когда мне на стол вас положили, я, было подумал, что операцию-то вы не перенесете. Простите, – спохватился хирург. Сами же, Константин Евгеньевич, просили, чтобы я говорил правду. Человек вы, я вижу, мужественный, вот и слушайте. Самое страшное уже позади. В голову вам осколок снаряда угодил. Начал я осматривать и увидел, что он, сволочь, до лобной доли мозга достал. Извлекали мы его аж в четыре руки. Слава Богу, вы сейчас в сознание пришли. Значит, все более или менее. Но как повернется дальше, сказать не могу. Головной мозг, сударь мой, это вам не баран начхал, а тайна за семью печатями. Вот так!

Врач достал из жилетного кармашка большие серебряные часы и внимательно взглянул на есаула: "Голова сейчас болит?"

– Да, – ответил тот. Временами очень сильно. И живот тоже.

– Тут вообще странное дело! – раздосадовано махнул ру-

кой Владимир Евграфович. Увидел я повязку и подумал было, что эта рана тоже от осколка. Но в сопроводительной бумаге хирург полевого лазарета писал, что ранили вас штыком. Вообще-то дело это изменой пахнет.

– Что такое?! – удивленно вскинул брови есаул, приподнявшись на локте. Но его тут же скрутила острая боль в животе.

– Да лежите же вы спокойно! – с досадой приказал врач.

– Какой еще изменой?! – настойчиво повторил вопрос Константин Евгеньевич.

– Обыкновенной, – ответил Владимир Евграфович. Вам кто-то в живот штыком саданул! И, что самое подлое, – нашим, русским, трехгранным!

– Не может быть! – не поверил есаул. Меня ведь взрывом из седла выбило.

– Факты, ваше благородие, вещь упрямая, – пожал плечами хирург. Не верите мне, можете моего ассистента спросить – Арнольда Карловича. Мы с ним часа два ковырялись, пока из головы вашей осколок извлекали. А уж потом пытались живот по-новому заштопать.

– Так вы же сами сказали, что желудок мне в лазарете зашили? – удивился Константин Евгеньевич.

– Так то оно так, – кивнул врач. Но беда в том, что у вас свищ образовался.

– Это что еще такое? – удивился есаул.

– Проще говоря, дырка, – пояснил хирург. Мы уже и так

и эдак, пытались, но рана снова открывается. Сейчас дренаж поставили. Okрепнете, потом постараемся края у свища иссечь и еще раз зашить.

– Значит, пока не помру? – вопросительно взглянул Константин Евгеньевич на своего собеседника.

– Нет-нет, Бог с вами! – возмущенно замахал на него руками хирург. Зря мы что ли с Арнольдом Карловичем мучились?

– Спасибо вам, – ответил есаул и спросил: "Оружие и одежда мои где?"

– При вас была шашка, замечательная, по– видимому, редкостная вещь. Также наган и небольшой такой кинжал дамасский? – уточнил Владимир Евграфович.

– Да, – кивнул есаул.

– Все здесь, кинжал и наган у вас под подушкой. А шашка?

– Так вот она – у изголовья кровати висит! – доктор указал пальцем на блестящее серебро рукояти. Обмундирование ваше все в крови было и весьма сильно изодрано. Поэтому сестричка его постирала и заштопала. Как выздоровеете, так и наденете, – продолжил свою речь хирург. А пока... Вот вам халат, – Владимир Евграфович указал на нечто темно-серое, лежавшее на табурете рядом с кроватью.

Офицер, убедившись что девушка отошла к другому раненому, спросил доктора: "Не подскажите, как зовут сестричку?"

– Ну и поражаете вы меня, ваше благородие! – нарочито

округлив глаза, воскликнул Владимир Евграфович. Можно сказать, только что из могилы выкарабкались и – на тебе! Сразу девушками интересоваться?! Впрочем, хороший признак, весьма хороший! И девушка тоже хорошая, из старой дворянской семьи. В сестры милосердия пошла добровольцем. Хотя, надо признать, в первые дни, как кровь увидит, так сразу – брык в обморок! И не знаешь кому вперед помогать – раненым или ей!

Наталья Васильевна Абашева – девица на выданье. Матери лишилась еще при рождении. Отец ее, прожив десять лет вдовцом, решил жениться. Тоже на вдове, из обедневших дворян.

Не сладко, думаю, Наташеньке пришлось с мачехой-то. Не сахар у той характерец оказался, не сахар... Ну, да ладно, есаул. Вы только не обидьте сироту, прошу покорно! – произнес Владимир Евграфович, жестко взглянув Константину Евгеньевичу прямо в глаза.

– Да, что вы! – воскликнул раненный. И в мыслях не было!

– Ну и хорошо, сударь вы мой, пойду я. Врач застегнул халат и, еще раз взглянув на часы, вышел из палаты.

Константин Евгеньевич вновь закрыл глаза и словно провалился в глубокий и долгий сон...

Солнце, смеялось в лазурной вышине июльского неба и, цепляясь лучами за веселые кудряшки белоснежных облачков, пыталось вскарабкаться в самый зенит. Меж ветвей пересвистывалась между собой всякая птичья мелюзга, а по

парку усадьбы бежал маленький мальчик. Вдруг, споткнувшись, он сходу пропахал носом песчаную дорожку. Но, хотя прилично ободрал себе колени и до крови разбил нос, малыш не заревел. Вскочив на ноги, он лишь с досадой махнул рукой и побежал дальше. За ним, с криками "Постой! погоди, барин!", ухая стоптанными сапогами, мчался здоровенный крестьянский парень. В его голосе слышался явный испуг. Конечно, как тут не испугаться? Тебя назначили дядькой и приставили следить за пятилетним барским дитятей. Чтобы с ним, драгоценным, не дай Бог, не случилось ничего дурного, а ты – не уберег! Догнав шустрого мальчишку, парень подхватил его на руки, причитая: "Ну что же, Вы, барин, наделали?"

Вытерев разбитый нос тряпицей, дядька крепко взял воспитанника за руку и повел в сторону барского дома.

– Вот и все! Прощай, теперь веселая жизнь! На этот раз уж точно выпрут, опять придется место искать! – крутилось у него в голове. Навстречу крестьянину уже спешили две женщины с летними кружевными зонтиками в руках.

– Господи милосердный, Тимофей, что же ты недоглядел?! – ахнула красивая, стройная дама, облаченная в длинное платье нежно-персикового цвета и элегантную шляпу с широкими полями. На вид женщине можно было дать не более двадцати двух лет, хотя в действительности она была чуточку старше.

– Да как же за ним уследишь, Мария Васильевна! – начал

было оправдываться дядька. Она же как оглашенные носят! Дама, укоризненно покачав головой, несильно стукнула Тимофея по голове кружевным зонтиком.

– Срочно, в дом! – приказала она.

Когда они уже подходили к мраморной лестнице главного входа, из дверей навстречу стремительно вышел высокий черноволосый господин лет сорока, с угрожающе торчащими усами. На нем был белоснежный костюм, правая рука сжимала тяжелую эбеновую трость с медным набалдашником в виде морды медведя.

Им был владелец усадьбы и супруг Марии Васильевны, отставной ротмистр лейб-гвардии Гусарского Его Величества полка Евгений Петрович Маматов.

– Что это вы там затеяли? – поинтересовался он. Резкие черты лица придавали ему вид весьма суровый, а длинный хищный нос делал его похожим на кречета.

– Тимофей вновь не доглядел, душа моя, – сокрушенно вздохнула Мария Васильевна.

– Ревел? – только и спросил отец.

– Никак нет, ваше благородие! – отрапортовал дядька Тимофей, вытянувшись перед баринном.

– Чего мне реветь?! – обиделся малыш. И не больно совсем! Однако мальчик сказал неправду. Из разбитого носа все еще шла кровь, он распух и покраснел, а оцарапанные колени сильно саднили.

– Ладно, молодец, сынок! – довольно кивнул отставной

гусар. И, резко обернувшись к Тимофею, спросил: "Какое наказание выберешь?"

– Как будет угодно вашему благородию, – вытянувшись во фронт, ответил тот.

– Тогда в залу! – усмехнулся владелец имения.

Он не привык откладывать своих решений. Поэтому на немой вопрос супруги, улыбнувшись, ответил: "Дорогая, я не заставлю вас долго ждать." И, резко повернувшись на каблуках, вошел в усадьбу. Тимофей, передав мальчика гувернантке мадам Гранье, поспешил за ним.

Малыш, вырвавшись из рук женщины, кинулся следом. Не мог же он пропустить подобного зрелища. Интрига была в том, что система наказания для прислуги мужского пола, в понимании хозяина усадьбы, состояла в принуждении к физическим упражнениям.

В этот раз, отставной ротмистр пожелал преподать прощтрафившемуся Тимофею урок фехтования. Сказать, что подобное занятие крестьянину не нравилось, значит ничего не сказать. Он ненавидел все эти шпаги, рапиры, сабли и эскадроны лютой ненавистью.

Тимофей был человеком высоким и сильным, но довольно неуклюжим. Поэтому любое занятие, где требовалась ловкость, было не по нему. Отставной же гусар взял себе в голову непременно обучить этого медведя изысканному искусству испанских и французских придворных.

Поднявшись в залу экс-гусар и указав широким жестом

на крючок, на котором висел толстый и простеганный кафтан, сшитый специально для фехтовальщиков, скомандовал: "Одевай!"

Тимофей, ругаясь про себя последними словами, натянул защитную одежду.

– Выбирай! – отставной гусар кивнул на длинную деревянную стойку с оружием. Пока Тимофей, недовольно кряхтя, бродил вдоль длинного частокола рапир, эспадронов и сабель, владелец имения, сняв пиджак, облачился в точно такую же стеганную куртку.

– Ну, долго мне ждать?! – барин недовольно нахмурил черные брови.

– Сейчас, ваше благородие, – торопливо ответил Тимофей, схватив первое, что подвернулось под руку.

– Ого! – удивился гусар. Да ты саблю схватил?

Действительно, крестьянин неосмотрительно схватил длинную польскую карабеллу.

– Ну, коли желаешь, то и я не против, – усмехнулся ротмистр. Надев толстую фехтовальную перчатку, он также взял саблю и, выйдя на середину залы, встал в позицию. Левая рука завернута за спину, а правая с длинным изогнутым клинком вынесена прямо вперед.

Иронизировал гусар не зря. Фактически урок фехтования представлял собой, хоть и замаскированную, но порку провинившегося. И, если бы крестьянин выбрал в качестве оружия рапиру, ему точно было бы не так больно. Она-то ведь

не такая тяжелая, как карабелла.

Несмотря на все свои рост и силу, Тимофей, конечно же, не мог оказать рубаке-гусару серьезного сопротивления.

В 1860 году, едва достигнув шестнадцатилетия, будущий гусар упросил своего папеньку отдать его учиться фехтованию. И тот, будучи конформистом, услад сына к его тетке, своей родной младшей сестре Екатерине Андреевне в Санкт-Петербург. Там сын начал постигать азы фехтования в зале, открытом знаменитым маэстро Иваном Ефимовичем Сивербриком. К сожалению, сам Сивербрик, уже восемь лет как, отошел в мир иной. Однако успел подготовить немало прекрасных учеников. Под наблюдением одного из них, а также постоянно изучая "руководство к фехтованию", написанное Сивербриком и его сыном, будущий поручик уже через год мог скрестить шпагу или саблю с противником средней руки. В гусарском полку он также постоянно упражнялся, а выйдя в отставку, чтобы не потерять формы, некоторое время даже давал уроки фехтования провинциальным помещикам. Так что никаких шансов у Тимофея против него не было и не могло быть...

Малыш, выглядывая из-за двери залы, во все глаза следил за происходящим.

– Аванс, мон шер ами! – издевательски усмехнувшись, экс-ротмистр крутанул клинок в кисти и лишь слегка коснулся сабли противника. А затем, неожиданно для него, описал обратную свистящую дугу и рубанул Тимофея по боку,

под левую руку.

Необходимо отметить, что все оружие, которое использовалось для фехтования, конечно, было затуплено. Однако получить удар по ребрам, даже тупым клинком, было не слишком приятно. Сабля-то весила около четырех фунтов, а гусар был человеком неслабым да и рубить не стеснялся. Охнув, Тимофей согнулся пополам и присел на корточки.

– Вставай, вставай, любезный ты мой! – поторопил его бывший ротмистр.

Морщась от боли, его противник с трудом поднялся на ноги и встал в позицию.

– Вы бы, ваше благородие, того, полегче что ли, – попросил он.

– Ладно, – ответил экс-гусар. Там видно будет.

И, крутанув саблю в руке, ловко подбил клинок Тимофея и, повернув плашмя, легонько ударил того по макушке.

– Только и знаете, что лупить! – проворчал крестьянин. Надесь госпожа мне тоже по голове била!

– Что ты врешь, зараза? – возмутился бывший гусар. Что-бы Мария Васильевна била?! Ни за что не поверю!

– Так она, того, зонтом, – пояснил Тимофей.

– Ха, зонтом! – рассмеялся владелец имения. Так это же не кочергой, к примеру. За что же она тебя?..

– Так, недоглядел я за сынком вашим, – нехотя, пояснил Тимофей. И сынок нос расквасил.

– За дело! – бывший гусар вновь крутанул клинок в руке.

А будешь мне ныть, так я тебя еще не так отлуплю!

– Воля ваша, барин, – ответил Тимофей. Только слишком сильно-то не лупите...

– Тимофей не виноват, папенька, – вдруг раздался голос из-за двери. Я сам упал.

– Молодец, что не ревел, – ответил отец. И, отработав на своем противнике еще несколько хитрых приемов, владелец имения приказал тому идти и заняться делами по дому. Нарубить дров и сложить их в поленницу перед баней.

– Хочешь попробовать? – спросил он у сына.

– Хочу!

С загоревшимися глазами, малыш схватил тяжелый палаш.

– Нет, нет, это для тебя пока рановато, – улыбнулся отставной гусар. И подал сыну тонкую легкую рапиру. Повозившись с мальчиком еще минут пятнадцать, он вытащил из кармана золотые карманные часы, (к слову сказать, Бреге, которыми он очень гордился).

– Ну, все на сегодня, – обратился он к сыну. Иди, найди мадам Гранье и побудь с нею пока мы с маменькой на прогулку поедем. Кликнув Тимофея, он велел ему заложить дровжи. Усевшись на кожаное сиденье, гусар с супругой взялись за руки и медленно покатали к выходу из приусадебного парка.

Солнце сияло, пели птицы и все вокруг, казалось, дышало счастьем и спокойствием.

Тут из кустов вдруг высунулась безобразная багрово-красная пасть хищного зверя и, оскалив окровавленные клыки, злобно зарычала им вслед...

Глава 3

...Бывший депутат законодательного собрания недавно лишился кресла из-за происков своих недругов и чересчур ретивых писак, раскопавших его "авторитетное" прошлое. Теперь же Георгий Степанович Никитин по прозвищу "Ник" вместе с владельцем собняка Артемьевым стоял на огромном балконе и любовался пламенеющим закатом.

Ник был высоким 57-летним мужчиной. Несмотря на возраст, дорогой темно-синий итальянский костюм все еще ладно сидел на его слегка оплывшей фигуре. Видно было, что этот человек любит роскошь. Средний палец правой руки был унизан золотым перстнем с крупным бриллиантом, а на левом запястье красовались швейцарские часы "Патек Филипп". Широкое, простоватое лицо их владельца пересекал длинный неровный шрам – память о питерских "крестах".

В знаменитый следственный изолятор его в 1988-м году притащили по поводу одной из громких разборок. Тогда, возле порта, в перестрелке погибли несколько бойцов противоборствующих группировок. Георгию Степановичу не повезло, он попался в руки ОМОНовцев. Когда Ника доставили к следователю, тот, видя, что перед ним человек жесткий, попытался сломать подследственного. Для чего кинул в камеру к "ссученным" – заключенным, которые шестерили

на местного "кума" – начальника оперативной части. Их было четверо, детоубийца и пара насильников. Подобные "сучьи" камеры есть в любом следственном изоляторе. Задача "сук" – физически и морально сломать любого, кого подсадят к ним в хату. Безразлично, обычный это обвиняемый, например, бухгалтер, подозреваемый в растрате или вор в законе. Терять им просто нечего, так как с их статьями на зоне им не жить... В этой хате и чиркнули Ника по лицу заточкой. Но Георгий Степанович был человеком не робкого десятка и, для начала сломав нападавшему нос, разбил одному из сокамерников череп об угол шконки.

Так сказать, "дал раскрутку". То-есть, будучи под арестом, совершил еще одно преступление. После чего, к его статье добавилась еще одна – за умышленное убийство. Однако от "ссученных" его сразу же отсадили, а смотрящий по "крестам" приблизил его к себе. Хотя судья и впаял Нику "трех Петров" – пятнашку, отсидел он лишь червонец. Причем, выскочил. Но не по "удо" -условно-досрочно за примерное поведение. Он был в авторитете и не мог пользоваться поблажками от государства. Соскочил Ник через "крест" – вышел через "больничку" по состоянию здоровья. Люди, которым смотрящий по изолятору загнал "коня" – сообщил о достойном поведении дальневосточного авторитета Ника, наехали на лагерного "лепилу" – врача. В итоге, тот "замастырил" Георгию Степановичу нужную "ксиву" – справку о том, что авторитет болен туберкулезом. Освободившись,

Ник вернулся во Владик и женился на местной красавице Ксении. Спустя год у него появилась дочь Светланка.

Собрав вокруг себя пару десятков местных пацанов, Ник сначала прессовал свою малую родину, снимая сливки в порту Владивостока. Когда же ему показалось там тесно, отправился в Питер. Местная братва, помня, как лихо он расправился с "суками", оказала ему уважение и предоставила условия для нормального существования. Словом, отдала под его "крышу" пару крупных ресторанов, несколько СТО и три АЗС. Через пять лет авторитет легализовался и даже смог пролезть в депутаты законодательного собрания. И, невзирая на противодействие сотрудников криминальной разведки местного ГУВД, попытка эта вполне удалась. Но в депутатском кресле он пробыл сравнительно недолго, всего пару лет. Помешало его криминальное прошлое, которое конкуренты через полицию слили журналюгам. Это не могло понравиться коллегам-депутатам Ника. Но особенно расстраиваться по этому поводу он не стал. Решил жить спокойно. Благо денег на безбедную жизнь вполне хватало.

Но, как говорят, сколько волка не корми... Душа Георгия Степановича требовала простора и он решил инвестировать немалые, надо сказать, средства в довольно крупный проект. Однако, в процессе тендера, на его пути встал конкурент – крупный бизнесмен Николай Михайлович Артемьев. Сначала Ник, хотел было поступить с ним по привычке: наехать и обломать. Но, вскоре оказалось, что птица эта гораз-

до более высокого полета и с двойным дном. Только Ник отправил к конкуренту своих ребятишек "для разговора", как всего через пару часов к нему в дом нагрянула целая следственно-оперативная бригада при поддержке СОБРа. Старший следователь доходчиво объяснил Нику почему ему в Питере больше нельзя так гадко себя вести. А следом получился сюрприз. В гости к авторитету прибыл сам конкурент Артемьев. Ничего из себя, на первый взгляд, не представлявший. Обычный мужичок, лет шестидесяти, среднего роста, лысоватый. "Да и одет, так себе!" – помнится подумал тогда Ник. Но то, как перед гостем начали выплясывать сотрудники полиции, натолкнуло Георгия Степановича на мысль, что Артемьев не так прост, как кажется.

– Разрешите обратиться! – вытянувшись во фронт, гаркнул старший группы.

– Да чего там, идите уже! – недовольно поморщившись, ответил Николай Михайлович. Недоразумение все это, – пояснил он и, отправив всю группу восвояси, протянул авторитету руку и произнес: "Рад, очень рад с вами познакомиться!" Артемьев. Бывший генерал– майор, а сейчас обычный пенсионер. Просто у меня много друзей. В ФСБ."

– Ну, бывших, тем более у ваших, не бывает, – проворчал Георгий Степанович. Но на вопрос нового знакомого – "Надеюсь, мы найдем с вами, общий язык?" Нику не оставалось ничего другого, кроме, как молча кивнуть. Ну, действительно, не идти же снова в лагеря на старости-то лет?

– Вы не напрягайтесь, я вашего куска не трону, – усмехнулся гость. Только отломлю себе маленько.

– Спасибо, конечно, ... – начал было, Георгий Степанович. Но собеседник его перебил.

– Давайте по простому! Или, может, вам вроде как запахло?

– Да нет... – ответил Георгий Степанович.

– Ну и ладно, – вновь перебил его гость. Сейчас составим быстренько договор субподряда и начинайте! А я вам даже помогу. Но когда мне понадобится ваше содействие, то, пожалуйста, не откажите уж, будьте так любезны! Эк-авторитет, слегка удивленный таким напором, заверил Артемьева, что сделает все, что в его силах. На том и расстались. Заработав на строительстве кругленькую сумму, Георгий Степанович, пораскинув умом, решил навестить Артемьева. Странно, но между этими, казалось бы совершенно разными, людьми быстро завязались приятельские отношения. Тем более, что Ник несколько раз помогал новому знакомому решать возникающие проблемы. Артемьев сразу понял, что авторитет – нужный человек. Ведь официальным путем можно утрясти далеко не все вопросы. Иногда решение специфических проблем гораздо лучше было доверить подручным Ника. Тем более, что официально его ребята именовались частным охранным предприятием. К тому же, для дружбы возник и еще один повод. Сын Николая Михайловича, будучи в гостях у Георгия Степановича, глаз не мог

оторвать от Светланки. То и понятно. Девушка была настоящей зеленоглазой красавицей. Высокая, с рыжими волосами, она везде обращала на себя внимание окружающих. Мужчины, при виде нее просто таяли, а женщины завидовали и тихо ненавидели. Самой Светлане было на все это попросту начихать. Кстати, Михаил ей тоже понравился. Свадьбу решили сыграть в августе.

– А все-таки красивые здесь места! – задумчиво раскуривая коллекционную пенковую трубку, произнес Георгий Степанович.

– Да, – согласился хозяин. Но, по правде сказать, жутковатые.

– Почему? – искренне удивился его собеседник. Обычное захолустье...

– Здесь еще при царе-батюшке, до октябрьской революции, жили мои предки.

– Ой, только не говори, что ты – из князей или графов! – засмеявшись, отмахнулся экс-депутат. В последнее время меня реально достали все эти истории про бывших. Повылазили! Забыли, видно, как комиссары их к стенке в 17-ом ставили! Только и слышишь, тот голубых кровей, этот тоже... Едва успеют бабла нарубить, так подавай им сразу дворянские титулы! Или покупают, как эти клоуны из попсы, или же просто беспардонно врут, как сивые мерины. Мол, благородных мы кровей! А у самих хамская морда кирпича просит! Одни аферисты и мошенники! Со свиным рылом, да в

калашный ряд! Быдло!

– Нет, у меня в роду кроме крестьян никого не было, – сдержано ответил Артемьев.

– Да ладно, прости, погорячился я! – сменил тон Георгий Степанович. Просто сил нет, надоело смотреть, как каждое ничтожество себе очков набрать старается. Кстати, зачем ты, Михалыч, именно здесь особняк решил поставить? А? Неужели в Питере места не хватило?

– Так, уже говорил же. Предки тут мои жили, ответил Артемьев.

– Предки, подумаешь... – протянул его собеседник. Мои, например, тоже из этих мест. Так, что же, мне тоже здесь дом поставить прикажешь?

– Зачем, приказывать. Строй, где душа пожелает, – пожал плечами отставной генерал. Просто меня тамбовщина манит.

– Ты, про здешний страх какой-то хотел рассказать? – спохватился Георгий Степанович, и, вопросительно взглянув на Артемьева, выпустил изо рта кольцо синего дыма.

– Еще после февральской революции, а потом и при большевиках здесь начались крестьянские волнения, – начал рассказ хозяин. Люди стали бунтовать и разорять барские усадьбы. Тащили все, что под руку попадалось. Сегодня ты, Георгий Степанович, когда ко мне ехал, видел перед последним поворотом старые развалины?

– Ну, вроде, что-то такое было, – задумчиво протянул ав-

торитет.

– Так вот, это бывшая усадьба одной дворянской семьи, – пояснил владелец особняка.

– Так, это они, надо полагать, князя или графья? Так? – скривил губы в усмешке Георгий Степанович.

– Нет, просто дворяне, – почесал левую бровь Николай Михайлович. Однако, род старый...

– И что? Ну, развалины и развалины... Привидение там, что ли завелось? – ухмыльнулся авторитет.

– Нет, местные люди говорят, кое-что пострашнее, – тихо сказал Артемьев. И не завелось, а существует уже давно.

– Да не верю я во всю эту чушь! – раздраженно воскликнул отец невесты. Ерунда! А если даже и правда, что-то такое есть, то ничего эта твоя жуть сделать не сможет. На дворе – 21 век! У моей охраны, знаешь, какие пистолеты?! "Глоки"! Вот!

Небосвод, темнея на глазах, превратился в волшебный покров из черного бархата, приколоченный к небесной тверди мириадами блестящих алмазных гвоздиков. И в тот самый миг, когда Луна брызнула на землю первыми серебряными лучами, со стороны речки донесся дикий, протяжный и хриплый вой. Его тут же поглотил абсолютно дикий, надрывный вопль. Так люди кричат перед смертью, когда осознают, что конец неизбежен.

– Что это?! – тихо спросил Георгий Степанович. Лицо его разом посерело, он стал похож на мертвеца. Сияясь перебо-

рот жуткую гримасу, враз перекосившую ему рот, авторитет хрипло выкрикнул: "Света! Света!" И, хромая, побежал на крик.

В экстремальных ситуациях, большинство людей всегда беспокоятся в первую очередь о своих родных и близких. Авторитет тоже не был исключением. За ним кинулся и хозяин особняка Артемьев. Гости нестройной толпой ринулись следом. Несколько человек достали смартфоны и включили фонарики. В пляшущих лучах света вдруг появилось перекошенное и залитое кровью лицо одного из охранников.

– Шеф, они там! – он указал рукой в сторону старой усадьбы. Там!..

– Что, что случилось?! Откуда кровь? Где Миша?! Мишенька! – закричал в ответ Артемьев. Повернувшись, секьюрити побежал к усадьбе.

Когда запыхавшаяся толпа ворвалась внутрь полуразрушенного здания и поднялась на второй этаж, глазам людей открылось ужасное зрелище. В малой зале, прямо на грязном полу лежала юная красавица-невеста. Ее белоснежное платье до самого пояса было залито алой кровью. Голова, запрокинутая назад, была почти отделена от туловища. А на шее зияли несколько страшных рваных ран, в которых проглядывали обрывки мышц, сухожилий и желтоватые обломки переломанных позвонков....

Рядом с телом, сидел Михаил и ... тихо смеялся! На одной ноте... Его правая щека, оторванная возле глаза, висе-

ла лишь на лоскуте кожи, обнажая оскал белых зубов. Эта картина была едва ли не страшнее растерзанной мертвой де-вушки. Несколько женщин упали в обморок, кто-то кричал, кого-то рвало...

Подбежав к месту трагедии, Георгий Степанович бросил всего один взгляд на свою мертвую дочь и, обессиленный, опустился рядом на пол. Отец жениха вместе с самыми смелыми из гостей пытался оттащить Михаила прочь от страшного места. Но тот, все так же тихо хихикая, упирался. Чуть поодаль с разорванным горлом валялся один из троих секьюрити. В правой руке он сжимал рукоятку пистолета, а пальцы левой мертвой хваткой вцепились в какой-то темно-бурый пучок. Его коллега пытался при помощи брючного ремня сделать жгут, перемотать культю левой кисти. Но кровь продолжала хлестать тугой струей. Наконец кто-то из гостей помог парню. Тот, устало привалившись к стене, закрыл глаза. Тем временем охранник, который привел всех в усадьбу, сообщил в полицию и вызвал "скорую".

Спустя примерно полчаса в окрестностях особняка Артемьева послышался вой сирен и подъездную дорожку озарили яркие сине-красные вспышки проблесковых маячков. Из отдела полиции прибыла следственно-оперативная группа, а из райцентра – карета "скорой помощи".

– Где хозяин? – позвонив в электрический звонок на воротах, громко спросил дежурный следователь капитан полиции Андрей Семенов. Створка медленно приоткрылась.

– Да нет здесь Николая Михайловича! – высунулся на улицу охранник с сигаретой. Езжайте к старой усадьбе, ужас там какой-то... Говорят, двое убитых и трое раненых.

Прибыв на место трагедии, капитан Семенов вместе с двумя оперативниками – майором Евгением Овчаровым, капитаном Василием Дупленко и криминалистом – старшим лейтенантом полиции Альгирдасом Жемайтисом не сразу отыскали Артемьева в толпе перепуганных людей. Пройдя на второй этаж полуразрушенной усадьбы, Семенов увидел труп молодого мужчины с разодранным горлом. Рядом, привалившись к стене, сидел еще один с перебинтованной рукой. Возле него уже суетились врачи: "скорая" прибыла раньше полиции.

– Доктор, можно допросить вашего пациента?– спросил капитан.

– Позже! Вы же видите, в каком он состоянии!– раздраженно ответил пожилой врач.

Тогда Семенов поинтересовался, где найти владельца особняка?

– Да вот же он! – указал на него мужчина, державший в руке початую бутылку водки. Возле сына своего сидит.

Следователь увидел respectableного мужчину в дорогом костюме. Он, сидя прямо на полу перед дубовой дверью, пытался удержать какого-то молодого человека. Лицо у парня было залито кровью, а правая щека болталась полуоторванной. Извиваясь всем телом, он вырывался, издавая время от

времени тихий смешок...

– Николай Михайлович, что здесь произошло? – спросил Семенов.

– Зайди да посмотри! – ответил его визави.

Войдя в залу, капитан первым делом попросил всех, кто там был, (а их было не менее тридцати человек), на выход. Однако, его обращение "Уважаемые, покиньте, место преступления!" почти ни на кого из присутствующих не произвело никакого впечатления. Лишь после того, как Семенов рявкнул: "Все вышли, я сказал!", народ, нехотя, потянулся к выходу.

И тут только капитан увидел страшную картину: мертвая девушка лежала на полу в подвенечном платье, шея почти перекушена. "Крови очень много" – автоматически отмечал про себя капитан.

– "Стоп! Почему перекушена? Из-за чего я так подумал? Может, отрублена или отрезана? Нет. Точно перекушена! Почти оторвана, края раны – как лохмотья".

– Альгирдас, подойди, взгляни! – попросил он криминалиста.

– Все следы затоптали! – недовольно пробурчал тот, протискиваясь между выходящими людьми со своим чемоданчиком.

– Им-то что? Приперлись, натоптали, как стадо! – поддержал его майор Овчаров.

– Так! – оборвал их возмущения капитан Семенов,

Дупленко, иди, выдерни участкового, а ты, Женя, опроси свидетелей. Узнай, кто и где был, и что видел. Ну, как всегда. Сам Семенов, выловив двух человек, не успевших выйти из залы, вцепился в них, словно бульдог.

– Ну, уважаемые, расскажите, что здесь произошло? – задал он вопрос, двум молодым парням.

– А мы не знаем! – ответил один из них, тот, который повыше. Мы с Пашей – он кивнул на второго свидетеля, были во дворе особняка. Там, где свадьбу Светы и Миши праздновали.

– Света?.. – вопросительно указал глазами на труп девушки Семенов.

– Да, – ответил его собеседник. И вдруг все услышали крик и вой жуткий какой-то. Потом прибежал охранник, крикнул, что в старой усадьбе что-то случилось. И все побежали за ним.

– Во сколько времени, вы слышали крики и вой? – спросил капитан.

– Ну, я даже не знаю, – задумчиво протянул парень. Мы стояли, болтали, выпивали...

– Где-то около десяти вечера было, – вступил в разговор его приятель. Капитан кинул на него вопросительный взгляд: "Точно?"

– Да, около десяти, – кивнул парень. Мне, как раз мать позвонила, а потом это случилось... Вот, посмотрите, – он вытащил из кармана сотовый телефон и, раскрыв список вхо-

дящих звонков, показал капитану Семенову.

– Девятнадцать пятьдесят семь, – констатировал тот.

– И что потом?

– Потом, мы с Игорем и другие гости прибежали сюда.

– Видели что-то подозрительное, незнакомого кого-нибудь?

– Да тут почти все незнакомые! – ответил Игорь. Гостей-то куча целая и мало кто друг друга знает.

– Что, первым делом, вам запомнилось? – задал Семенов очередной вопрос.

– Впереди нас бежал отец Светы, Георгий Степанович. Когда он увидел, что она мертва, то чуть было не упал в обморок.

– На свадьбе не было ссор или драк? Не поругалась ли потерпевшая со своим женихом? – продолжал допрос капитан.

– Да, нет, – пожали плечами парни. Тут есть охранники, их надо спрашивать.

– Один мертв, второй в шоке, – капитан махнул рукой. Бесплезно.

– Есть еще один, который в особняк прибежал и сообщил всем про убийство, – подсказал капитану Игорь. Вы его найдите.

Но оказалось, что этого секьюрити уже отыскал и допрашивает оперуполномоченный майор Овчаров. Пока криминалист Жемайтис, в поисках малейших улик, осматривал место преступления, Семенов нашел обоих на первом этаже

усадыбы. Опер и охранник сидели рядышком на подоконнике. Левая сторона лица у секьюрити была перевязана бинтом, но рот был свободен.

– Ну, что у тебя, Женя? – поинтересовался старший опер-группы.

– Охранник Владимир Петраков, – представил Овчаров своего визави. Работает у отца невесты, бывшего криминального авторитета и бывшего же депутата законодательного собрания Георгия Степановича Никитина. Давай, повтори следователю то, что мне рассказал! – приказал Овчаров охраннику.

– Ну, после регистрации в ЗАГСе мы вместе с Георгием Степановичем приехали сюда. К отцу жениха. На свадьбе все было тихо, никто не напился и не буянил.

– Невеста не ссорилась со своим женихом? – прервал охранника капитан.

– Нет, они сначала сидели за столом, потом вышли во двор. Мы с ребятами, по приказу Георгия Степановича, наблюдали за ними.

– Зачем? – спросил следователь Семенов.

– Ну, так, чтобы с ними ничего не случилось, наверное, – пожал плечами охранник.

– Да– а-а, – многозначительно протянул капитан.

– Хорошо же вы их охраняли...

– Да, как вы можете! – возмутился охранник. Мы же ста-

рались! Боря погиб!

– Как они очутились в старой усадьбе? – прервал шквал возмущений следователь.

– Примерно в девять вечера я заметил, что Михаил и Светлана выходят за территорию особняка.

– Зачем они туда пошли?

– Я не знаю, но хозяин приказал нам не спускать с них глаз, – пояснил охранник Петраков. Поэтому, я с двумя напарниками тихонечко пошли следом.

– Да не тяни ты kota за все запчасти! – не выдержал майор Овчаров. Скажи, кто на вас напал!

– Погодь, Женя, пусть говорит по порядку, – остудил следователь оперативника.

– Я не знаю, что там случилось, – заявил Петраков.

– Когда мы с ребятами вошли в усадьбу, то не сразу нашли Мишу и Свету. Поэтому решили разделиться. Я начал обходить первый этаж, а Виктор и Борис пошли на второй.

– И-и?.. – вопросительно протянул Семенов.

– На первом этаже я никого не обнаружил и поднялся по лестнице на второй, – продолжил охранник свой рассказ.

– Что там увидел?

– Виктор и Борис стояли возле той комнаты, где сейчас лежит Света. Дверь была закрыта неплотно и они наблюдали за кем-то в щелочку. Я подкрался сзади и шепотом спросил "кто там?" Борис ответил, что в комнате молодожены.

– Целуются? – пошутил я. Но тут Борис вдруг распахнул

дверь и ворвался внутрь.

– Он что-нибудь крикнул? – спросил Семенов.

– Да, – кивнул охранник. Он крикнул "Назад!"

– И что произошло дальше? Ты сам туда входил?

– Я стоял самым последним и поэтому ничего толком не разглядел. Услышал, как крикнула Светлана. Очень громко крикнула и страшно, так... Тут раздался ужасный вой. Потом я увидел какую-то большую тень. Отскочив от Светланы, она кинулась на Бориса и он упал, а Виктор выхватил пистолет и вытянул вперед руку, но выстрелить не успел. Я увидел как пистолет упал на пол. Следом свалился и Витя. Мимо меня что-то проскочило, я почувствовал сильный удар по голове и потерял сознание...

– На какое время?

– Не помню, но когда открыл глаза, увидел, что Светлана лежит на полу, а рядом сидит Миша. Он гладил ее по голове и что-то бормотал. Лицо у него было в крови и щека оторвана.

– Потом?..

– Я с трудом встал на ноги, так как меня качало. Подошел к Михаилу, и от всей этой картины меня вырвало.

– Точно, – утвердительно кивнул майор Овчаров. – Недалеко от дверей он обрыгался, там кучка оливье и, кажется, свекольный салат.

– Где был второй охранник? – отмахнулся от него Семенов. Он, Виктор, кажется?

– Да. Он сидел возле стены весь белый и пытался перетянуть ремнем руку. Но у него не получалось. Я помог ему и побежал за подмогой, в особняк.

– Что делал третий напарник, Борис?

– Ничего. У него было разорвано горло, он умер...

– Все ясно, пакуй его, с нами поедет! – скомандовал оперативнику Семенов.

– Вы что?! – возмутился охранник. Я же раненный!

– Сам посуди, – медленно произнес следователь, ты пострадал меньше всех. И внезапно заорал: "Говори, сука, кто твои подельники?! Где они? Кого заказали девушку или парня?! Кто заказчик?" Услышав весь этот поток обвинений, сескьюрити только молча покачал головой: "Нет, я здесь не при чем, ты на меня все это не повесишь!"

– Ладно, поехали. Петраков тяжело встал и двинулся к выходу.

– Ты что, Семенов? – удивился майор Овчаров. Не видишь, парень ни при делах! Пусть лучше домой едет, потом пригласишь на допрос.

– Нет, я как дежурный следователь, его и второго тоже, и жениха – всех в отдел доставлю. Ты же потом мне спасибо и скажешь, что в розыск объявлять не нужно. Или потом побегать за ними хочешь? – прищурился Семенов.

– Ну, сам посуди, – не сдавался оперативник, где орудие убийства? И как ты будешь допрашивать жениха, если он, вдруг, головой поехал?

– Орудие убийства спрятал тот или, скорее те, кто устроил всю эту бойню, – уверенно ответил следователь. Поэтому колоть их всех надо по горячке. Потом набегут адвокаты, а в камере советчиков пруд пруди. Сам знаешь.

– Ладно, но вряд ли генерал Артемьев даст тебе своего сына увезти, – возразил Овчаров. Скорее, сам на нарах окажешься.

– Черт с тобой, проследи, куда повезут Михаила Артемьева, – плюнул на пол следователь. Но двоих охранников я все-таки заберу!

И Семенов вышел из полуразрушенного здания, чтобы направить в морг два тела – Светланы и охранника Бориса. Встретив по пути капитана Дупленко, который привел с собой заспанного участкового, следователь поручил им собрать всех присутствующих в особняке Артемьева...

Глава 4

...Константин Маматов лежал в госпитале уже больше двух месяцев. О ранении в голову он уже и думать забыл, но, вот, живот... Несмотря на все усилия докторов, рана не затягивалась!

Самое гадкое, что канал шел прямо в желудок, из которого постоянно сочилась какая-то противная жидкость.

– Желудочный сок это, Константин Евгеньевич, – пояснил хирург Малич.

– Владимир Евграфович, из-за чего это у меня?.. – спросил офицер.

– Видимо, штык занес в раневой канал инфекцию, – ответил врач. Рана загноилась, а так как вы прибыли больше, чем через двое суток, то процесс разошелся не на шутку.

– Когда же она, проклятая, затянется? – имея в виду рану, поинтересовался есаул. Сколько мне тут еще валяться?

– Вы задаете мне эти вопросы уже в двадцатый раз, – развел руками доктор. Ну не знаю я! Все, кажется, уже перепробовали, но ваши ткани не желают регенерировать! Будем лечить дальше...

Но были в жизни Маматова и приятные моменты. Например, когда, он, фланируя по коридорам госпиталя, встречал медсестру Абашеву. Ту самую, которая, можно сказать, выходила его в самые опасные после ранений первые дни. При виде высокого красавца-офицера, с элегантными усами, который неспешно шагал по деревянному полу, картинно опираясь на свою знаменитую кавказскую шашку, девушка краснела и опускала глаза.

Даже самой себе она не желала признаться в том, что влюбилась в Константина Евгеньевича. Он же, давно осознав свои чувства, нарочно искал встреч с Наташей. И почти всегда преподносил ей букетик. Из-за чего почти все цветочные клумбы вокруг госпиталя изрядно поредели.

Потихоньку между молодыми людьми возникли высокие чувства. К середине сентября, обеспокоенный новостями с фронта, Константин Евгеньевич настоял на выписке. И как не упирались доктора, смог своего добиться. Этому нема-

ло поспособствовал страшный скандал, причиной которого явилась медсестра Наталья Абашеева.

В один прекрасный осенний день, прогуливаясь по аллейке, Константин Маматов стал невольным свидетелем безобразной сцены.

Сидевший на скамейке штабс-капитан из легкораненых, в ходе милой беседы, неожиданно схватил медсестру Наталью и силой усадил к себе на колени. Невзирая на сопротивление девушки, он попытался поцеловать ее. Есаул, несмотря на рану, вскипел и, подскочив, дал зарвавшемуся штабс-капитану кулаком в зубы.

Тот свалился со скамейки и, схватившись за лицо, заорал, что вызовет есаула на поединок. Константин Евгеньевич, подняв штабс-капитана за шиворот, врезал ему еще раз.

– Для ума! – прорычал есаул, а затем спросил медсестру, все ли с ней хорошо? Девушка лишь молча кивнула головой и быстро убежала прочь.

– Так, где и когда? – поинтересовался есаул у штабс-капитана.

– Сейчас не до того ... – пробормотал его противник. Война идет.

– Да, – согласно кивнул Маматов, только, вижу, не для вас любезнейший. Так вызов будет или нет?

– Да пропадите вы пропадом, – ответил штабс-капитан. Я на вас рапорт подам. И таки настрочил клязу на имя начальника госпиталя. Однако, на стороне есаула оказался весь ме-

дицинский персонал. В итоге, пару дней спустя, обиженного штабс-капитана отправили назад, на фронт, в окопы. Впрочем, начальство решило избавиться и от горячего заступника медсестры Абашевой. Как не возмущался по этому поводу Владимир Евграфович, каких только доводов не приводил, как не старался убедить руководство в необходимости дальнейшего лечения Константина Евгеньевича, ничего добиться он не смог.

Накануне отъезда медсестра попросила подружку подменить ее на дежурстве и молодые всю ночь провели вместе. Прощаясь с Натальей, офицер твердо обещал девушке вернуться и, сняв с себя золотой крест старой работы, передал ей. Символ страданий Спасителя был украшен четырьмя крупными изумрудами. Константину Евгеньевичу вручила его мать Мария Васильевна Маматова, когда еще в 14-ом провожала его на войну. Наташа, рыдая, поцеловала своего Костю на прощание и влюбленные расстались.

Впрочем, на деле выписка оказалась переводом в другое медицинское учреждение. Есаула отправили в глубокий тыл, в Калугу. Прибыв в госпиталь № 34 в середине сентября 1916 года, Константин Евгеньевич застрял там больше, чем на год. И все благодаря своей ране. Увидев сопроводительные документы есаула, а, главное, тщательно изучив его ранение, местные эскулапы, можно сказать, взяли офицера в самый настоящий плен. Дело в том, что они надеялись опробовать на нем все известные методики. Кто-то пытался лечить так,

кто-то эдак, но толку от этого было самое чуть. Отбиваясь от до смерти надоевших врачей, есаул пытался навести справки о любимой Наташеньке. Но все было тщетно.

Правду сказать, жизнь в тыловой Калуге оказалась довольно таки кипучей. 26 ноября 1916 года там в последний раз состоялось празднование дня Святого Георгия. На параде войск Калужского гарнизона торжественно пронесли знамя прославленного Азовского мушкетерского полка. Эта реликвия была передана на вечное хранение в Свято-Троицкий кафедральный собор Калуги в честь подвига калужанина – унтер-офицера Старичкова. Он 20 ноября 1805 года в сражении при Аустерлице спас знамя Азовского полка. Принимал парад полковник Лучинин.

Кстати, незадолго до этого Константина Евгеньевича дождала награда – Георгиевский крест 3-ей степени. Такой же, но четвертой степени есаул заслужил еще в 1914 году.

Когда начальник гарнизона полковник Лучинин вручал Маматову награду, Константин Евгеньевич взмолился отпустить его на фронт.

– С сентября здесь лежу, ваше превосходительство! – взмолился он. Отправьте меня к моим казакам! Полковник, подзвав начальника госпиталя, спросил его, почему есаула так долго держат на излечении. Выслушав, удивленно вскинул брови: "Ну, голубчик вы наш! Как вы живы то остались, с такими то ранами! На фронт не пушу! И не думайте!" Тогда есаул попросил полковника помочь в поисках медсестры

Натальи Абашевой.

Тот пообещал. Но шли дни, тянулись недели и месяцы, а вестей о ней все не было...

В конце января 1917 года начальник гарнизона появился в госпитале и приказал привести к нему есаула Маматова.

– Как здоровье ваше? – поинтересовался он.

– Спасибо, господин полковник, в норме, – ответил Константин Евгеньевич.

– Какое там, в норме! – возмутился главный врач. Свищ то не затягивается.

– Наверное, ругаете меня, последними словами? – тихо спросил есаула полковник Лучинин. Обещал де, старый хрыч, а не выполнил! Так? Но я ей-Богу не виноват! Отправил множество писем по инстанциям и лишь вчера пришел ответ. Узнал я, где ваша Наталья, – начальник гарнизона сделал эффектную паузу.

– Где?! – с нетерпением воскликнул есаул.

– Девушка в Севастополе, – ответил полковник.

И набросился на врачей: "Что вы даже свищ какой-то вылечить не можете?! Такого орла к койке привязали! Завтра же собрать комиссию и решать – на фронт или комиссовать вчистую!"

Однако, главный врач проявил хитрость. Он уже долгое время надеялся засветиться в медицинском сообществе. А тут такой прекрасный шанс! Свищ дает возможность воочию увидеть, как функционирует человеческий желудок! Как, ко-

гда и в каких количествах выделяется желудочный сок! Это же готовый научный труд и признание коллег!

Поэтому никакой комиссии он собирать не стал, а спустил дело на тормозах. Благо, полковник обо всем этом благополучно забыл, а напомнить ему было некому. Да и не до того ему было. Известия из Санкт-Петербурга и центральной России с каждым днем становились все тревожнее. Все эти стачки и забастовки окончились в феврале 1917 года буржуазной революцией. Измучившийся неведением, есаул хотел даже сбежать из госпиталя, но не мог, не имел права. Он ведь давал присягу и потому обязан был подчиняться приказам.

В Калугу весть об отречении императора Николая Второго от престола пришла 1 марта (14 марта по новому стилю). А уже на следующий день на совещании гласных городской думы был избран Общественный исполнительный комитет. Его члены незамедлительно направили приветственную телеграмму Временному правительству.

3 марта по Калуге прокатилась волна арестов. Хватали жандармов и полицейских, а также и некоторых военных. На фоне этих событий уже никого не удивило поведение губернатора Ченькаева. Он, явившись в городскую думу, официально заявил, что слагает с себя все полномочия. Временный комитет города, объявив амнистию, освободил шестерых политических и три десятка административно арестованных. На пост Временного Губернского управляющего избрали главу Казённой палаты Мейнгарда. А 18 (31) марта

1917 года губернским комиссаром Временного правительства назначили кадета Челищева.

На фоне неутешительных вестей с фронта весной и летом 1917 года в Калуге представители социал-демократических партий устроили форменную возню. В апреле о своем объединении заявили большевики и меньшевики. И началось! Бесконечные съезды различных делегатов: железной дороги, кооперативов, крестьян, лесопромышленников и, даже епархиальных, шли один за другим. Большинство раненных офицеров считали все это пустой болтовней.

В эти дни Константина Евгеньевича позабавила статья, которую он прочел в местной газетенке "Голос Калуги". Там писали о том, что латыши, поляки и евреи вдруг объявили себя интернационалистами и открыли социалистический клуб "Разсвет".

– Какой там, к бесу "Разсвет"? – смеясь, вопрошал он у раненного гусарского ротмистра. Ведь они друг друга терпеть не могут! Как же они вместе "разсветать"-то собираются?!

Между тем, после образования в Калуге городской ячейки Российской социал-демократической рабочей партии, о которой Константин Евгеньевич узнал опять же из той самой газеты в мае 1917 года, большевики начали проводить активную агитацию среди военных. И их политика увенчалась успехом. По словам лидера калужских большевиков Петра Витолина "уже к концу июня гарнизон полностью поддерживал нас – большевиков".

Осенью город захлебнулся в многочисленных большевистских митингах. Они проходили под лозунгами "Буржуазию в окопы!", "Вся власть Советам!" и "Долой Временное правительство!". В сентябре в Исполнительный комитет губернского Совета были избраны 15 большевиков, в президиум вошли Абросимов, Витолин, Юзефов, Комаров и Кремис. Так Совет стал реальной властью в губернии.

– Взять бы все эту сволочь, да порубать! – как-то высказал свое возмущение в беседе с гусарским ротмистром Петром Ефимовым есаул.

– Осторожнее, осторожнее, Константин Евгеньевич! – предостерег его визави. Не дай Бог, кто услышит и донесет!

1-го (14) сентября 1917 года Россия провозглашается республикой во главе с Александром Керенским, а уже через две недели в город по железной дороге прибыли части верные Временному правительству. Две роты кубанских казаков – "Дивизион смерти" и 17-й драгунский Нижегородский полк с тремя броневиками под командованием полковника Брандта. На следующий день он объявил о переводе Калуги на военное положение и распустил Совет солдатских депутатов.

Вечером 19 сентября (2 октября) 1917 года здание совета оцепили кубанцы и большевикам предъявили ультиматум: сдаться или умереть.

Затем, без предупреждения, начался обстрел здания. В итоге Совет распустили, а его активных членов – Абросимо-

ва, Витолина и нескольких других большевиков арестовали. Так хозяевами в Калуге снова стали меньшевики и эсеры.

Измученная войной страна, казалось, корчилась в предсмертной агонии. Солдаты массово дезертировали с фронтов, а на окраинах империи поднимали головы разномастные националистические организации.

В конце октября 1917 года пришло известие о том, что в Петрограде власть захватили большевики. Все это не могло не сказаться на внутренней жизни госпиталя. Нижние чины не только перестали отдавать офицерам честь, но и откровенно скалились в лицо. Константину Евгеньевичу такое положение вещей очень не нравилось. Поэтому в ближайшее время он намеривался просто сбежать. И если раньше его удерживала присяга государю и Отечеству, то теперь, после отречения императора от престола, он мог быть свободным, как ветер.

Но тут есаула вдруг сильно подвело здоровье. Рана загноилась вновь, поднялась высокая температура. Он три ночи подряд метался в горячечном бреду. Но Наташеньки, которая смогла бы, наверное, выходить его вновь, рядом не было... К счастью, организм офицер имел крепкий и лишь потому не отдал Богу душу.

На ноги Константин Маматов смог встать лишь в начале декабря 1918 года.

Получив от начальника госпиталя, которого большевики, каким-то чудом не расстреляли, документ о комиссовании,

он решил ехать в Севастополь, за Наташей. Но где взять деньги на дорогу? Путь от Калуги до Севастополя неблизкий – более тысячи верст. И тут горячий нрав вновь чуть было не подвел офицера. Как-то, проходя мимо галдящей кучки солдат в серых шинелях, есаул услышал, как один из них со злобой произнес: "Вернусь на Тамбовщину, всех этих гнид перестреляю!" Слова солдата всколыхнули всю душу Константина Маматова. Дело в том, что родовое имение Маматовых находилось именно в Тамбовской губернии. И там сейчас находились его мать и отец. Значит, это они – гниды?! Это их собрался убивать ублюдок?!

– Кого расстреляешь, любезнейший? – зажав нервы в кулак, поинтересовался есаул.

– Всех, которые с трудового народа кровь сосут! – ответил тот.

– Почему честь не отдаешь, скотина?! – не сдержавшись, заорал Маматов.

– Я не скотина, я – пролетарий! – ответил солдат. А скоро ты сам, вашбродь, на столбе болтаться будешь! В ответ есаул изо всех сил врезал зарвавшемуся пролетарию по физиономии.

Тот, клацнув зубами, медленно осел на пол. Офицерский кулак вышиб из него сознание.

– Ты это чего?! Чего, ты это?! – загомонили дружки побитого пролетария, угрожающе обступив есаула.

– Вон пошли! – рявкнул тот и, выхватив из кармана ре-

вольвер, взвел курок. Сухой металлический щелчок произвел на солдат должное впечатление. Они немедленно отступили. Но эта история обернулась для Константина Евгеньевича очень нехорошими последствиями. В тот же вечер к нему, прямо в больничную палату, пришли трое вооруженных представителей местного солдатского Комитета. – А ну, сдать оружие, сволочь! – приказал есаулу высокий рыжий матрос, тыча в офицера маузером. Константин Евгеньевич понял, что если он сейчас как-нибудь не ухитрится покинуть госпиталь, то, возможно, не доживет и до утра.

– Смотри! – неожиданно заорал есаул, протянув руку к окну.

Все, кто был в палате, как по команде разом повернули головы туда, куда указал офицер. Маматов же выхватив из-под подушки револьвер, трижды разрядил его в непрошенных гостей. Двое были убиты наповал, но раненный в живот матрос, все еще корчился на полу. Офицеры, соседи по палате, ошарашено глядели на есаула так, будто он внезапно сошел с ума. Действительно, застрелить представителя Комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов означало подписать себе смертный приговор...

Быстренько набросив на плечи шинель, Маматов надвинул на брови черную папаху. Сунув револьвер в карман, он быстро воткнул свой дамасский кинжал в сердце матросу. И когда тот, дернувшись в последний раз, испустил дух, кивнул на прощание своим соседям по палате: "Прощайте, господа!"

Даст Бог, свидимся еще!" С этими словами есаул прицепил к поясу шашку и направился к выходу.

Выстрелы, конечно, переположили полгоспиталя. И пока он шел по коридорам, из палат не раз высовывались любопытные, указывая на него пальцами. Дежуривший у дверей солдатик, потянувшись было к телефонной трубке. Но есаул, выхватив шашку, разнес аппарат вдребезги. От испуга солдат свалился со стула, а Маматов, угрожающе усмехнувшись, скомандовал: "Лежать, скотина! Зарублю!"

Свидетелей этой трагикомичной сцены оказалось немало, но задержать до зубов вооруженного офицера, мундир которого был украшен двумя Георгиевскими крестами, никто не посмел. Константин Евгеньевич вышел за ворота госпиталя и пошел, куда глаза глядят...

Глава 5

...Семенов вышел из полуразрушенного здания, чтобы направить в морг два тела – Светланы и охранника Бориса. Присев на ступеньку и подсвечивая себе фонариком, он принялся заполнять бланк постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы.

Увидев капитана Дупленко, который привел с собой заspanного участкового, следователь поручил им собрать всех присутствующих в особняке Артемьева...

Семенов вручил медработникам постановления и отправился в дом к Артемьеву. Там в холле оперативники уже собрали всех гостей.

– Все здесь? – поинтересовался следователь у опера Дупленко.

– Вроде, да, – пожал тот плечами.

– Давай мне охранника этого раненного, Виктором, звать, кажется, – попросил Семенов. Я в гостиной всех допрашивать буду. И спустя несколько минут в комнату к следователю Дупленко привел охранника Виктора.

– Ну что, будем правду говорить? – вперив в него взгляд своих голубых глаз, спросил Семенов.

– О чем? – спросил тот.

– Ну, хотя бы о том, как ты со своими подельниками убил невесту и своего коллегу.

– Вы, что, совсем умом двинулись? – возмущенно вскинул брови охранник. Меня же самого чуть на тот свет не отравили!

– Ты мне еще поговори тут! – Семенов стукнул сухим кулачком по столу.

– Да хоть застучитесь, а я буду настаивать на том, что никто из нас этого не делал. Спросите врачей о ранах. Такие, ни один человек нанести не в состоянии.

– Так я уже спрашивал, – махнув рукой, ответил следователь. Но на самом деле, соврал.

– Орудие убийства куда-то спрятали и святых из себя корчите! Все! Я сейчас задержу тебя на двое суток. Посидишь, подумаешь.

– Я буду жаловаться в прокуратуру! – пообещал Виктор.

– Жалуйся, твое право. Давай, отыщи мне этого, жениха, – потребовал Семенов у Дупленко.

– Так он же не в состоянии говорить... – ответил опер. Да и отцу его это не понравиться.

– Давай, я сказал, – опять стукнул кулачком по столу следователь. Он был молод, напорист, но, увы, не слишком-тоотягощен интеллектом. И потому, несмотря на предупреждения коллег, даже не предполагал, чем обернется для него это распоряжение.

Через пять минут дверь широко распахнулась и в гостиную ворвался разъяренный владелец особняка.

– Кто тебе, баран, позволил здесь распоряжаться?! – с порога заорал Николай Михайлович. Какого ..., ты моего сына на допрос требуешь? Миша невменяем, у нас страшное горе, а ты!.. Я тебе сейчас покажу, сволочь!

– Попрошу вас на меня не орать! – гордо ответил Семенов. Между прочим, я лицо процессуально независимое и сам знаю, что делать.

– Да ничего ты не знаешь, дебил ты процессуальный! – с этими словами Артемьев вытащил из кармана мобильник и набрал номер.

– Генерал, это вы? – спросил он. У меня горе, невеста сына погибла, Миша сейчас не контактный. А дежурный следователь его допрашивать собирается и ведет себя в моем доме просто хамски! Да, спасибо, передаю ему трубку. Вручив Семенову мобильник, Артемьев с удовлетворением на-

блюдал, как вытягивается лицо следователя.

– Понял, так точно, слушаюсь... – бормотал Семенов в трубку. И как ему было не стусеваться, если на него орал не кто-нибудь, а сам начальник следственного управления областного следственного комитета?

– Зачем вы так? – обиженно спросил следователь Артемьева, возвращая ему сотовый.

– А ты же по нормальному не понимаешь! – ответил тот. Я тебе говорю, что Миша невменяем сейчас. А ты – на допрос! И охранников задерживать собрался! Неужели ты на самом деле такой тупой, что не понимаешь: Миша не при чем! Да и охранники тоже!

– Меня теперь из-за вас отстранили от расследования, – продолжал ныть Семенов.

– И правильно! – заявил Артемьев. Не соображаешь, так еще больше все запутать можешь. Да ты же приехал как дежурный следователь. Утром по-любому все материалы передал бы другому. Ладно, не скули, позвоню генералу, скажу, чтоб не сильно лютовал...

Все, я к сыну, а ты опрашивай гостей и смотри мне! – погрозив расстроенному Семенову пальцем, Артемьев выскокил из гостиной.

К сожалению, допрос свидетелей не принес ничего нового. Все, как один твердили одно и то же. Были в ЗАГСе, потом приехали. Выпивали, общались, потом услышали какой-то шум, прибежал охранник, сказал, что с молодыми

случилось несчастье...

Зафиксировав показание последнего свидетеля раздасодованный Семенов уже, собрался было уезжать, как вдруг увидел оперативника майора Овчарова. Тот за шиворот тащил к нему какого-то худощавого парня. Его длинные черные волосы растрепались и почти полностью скрыли бледное лицо.

– Женья, это еще кто? – удивился следователь.

– Не знаю, но он прятался в кустах, – ответил Овчаров.

– Ты кто такой? – спросил Семенов у пытавшегося вырваться из мощных лап майора парнишки.

– Я знакомый невесты, – последовал ответ.

– Что ты тут делал? – поинтересовался Семенов.

– Меня на свадьбу Света пригласила, – поправляя волосы, сказал парень.

– Как твое имя? – все еще держа его за воротник, потрянул его майор Овчаров.

– Пожалуйста, отпустите меня, – попросил задержанный. Я ни в чем не виноват. Меня зовут Максимом Иосифовичем Левитиным.

– А ну-ка, пошли! – следователь с Овчаровым вытащили парня к толпе уже опрошенных гостей.

– Знает ли кто-нибудь из вас этого парня? – спросил Семенов.

Но никто из присутствующих его не узнал.

– Ничего удивительного, – проворчал оперативник. Здесь

мало кто из приглашенных друг друга знает.

– Я знаю! – вдруг заявил молодой мужчина в синем костюме. Это Макс, его Светлана покойная пригласила на свадьбу.

– Так-так! – довольно потирая ладони, произнес Семенов. Пройдем в комнату! Тщательно закрыв за собой дверь, следователь спросил своего собеседника о том, в каких отношениях Максим находился с ней и с ее женихом.

– Да помирал он по Светланке, – махнул рукой гость в синем костюме. А насчет жениха... Я не знаю. Это у самого Михаила спросить надо.

– Сейчас это невозможно, – с досадой ответил следователь. Как думаете, он мог убить невесту?

– Да нет же, что вы! – несмотря на всю трагичность ситуации, его собеседник даже рассмеялся. Максим, типичный ботаник. Работает программистом, он и мухи не обидит.

Записав данные свидетеля, следователь отпустил его.

– Ну что, дорогой, с нами поехать придется! – обернулся он к Максиму. Усадив в полицейский "Уазик" двух раненных секьюрити и Максима, Семенов с Овчаровым отвезли их в следственный отдел. Там следователь попытался провести между ними процедуру опознания. Охранники заявили, что не знают этого парня.

– Но я заметил его еще до всей этой суматохи, – заявил охранник Петраков.

– А я его видел, когда мы втроем за молодыми в старую усадьбу пошли. Он крался следом за нами, – сказал, все еще

морщась от боли в разодранной руке, Виктор.

– Ну что? – торжествующе спросил следователь, обращаясь к Максиму. Будем признаваться?

– Я действительно крался за ними, – кивнул тот. Но ничего плохого не делал!

– Ерунда! – вскочив со стула, заорал Семенов. Говори, кто тебе помог устроить всю эту бойню? Они? – он указал пальцем на двух охранников.

– Вы опять за свое? – возмутился Виктор.

– Да заткнись, ты! – приказал следователь.

– Я просто шел следом за Светой и этим ... ее женихом...

– тихо повторил Максим.

– Охранников видел? – задал вопрос майор Овчаров.

– Да, они впереди шли. И тоже крались, – ответил Максим.

– Зачем ты туда пошел? – поинтересовался Семенов.

– Я хотел предупредить Свету, – ответил Максим.

– О чем? Блин, да говори ты, что из тебя каждое слово клещами тянуть надо, что ли? – опять стукнул по столу следователь.

– Я хотел сказать, что ее Михаил не тот, за кого себя выдает. И я знал, что в этой усадьбе происходит нечто таинственное, – прошептал допрашиваемый.

– Что ты мне здесь лепишь?! – вышел из себя следователь.

– Да погоди ты орать! – рявкнул на него майор Овчаров. Дай парнишку выслушать!

– Чего его слушать, он нам байки травит! – огрызнулся Семенов. Тут дверь кабинета открылась и на пороге появился заместитель начальника районного следственного отдела, полковник Иван Константинович Захаров. Семенов так увлекся допросом, что даже забыл про время. А на улице уже рассвело.

– Сидите! – приказал полковник Семенову и Овчарову, когда те хотели встать при его появлении. Говорите, что нарыли?

– Товарищ полковник, вот я задержал этих троих по подозрению в сговоре и организации убийства двух человек! – вскочив со стула, доложил Семенов.

– Молодец! – криво усмехнулся Захаров. Мне уже сообщили, что ты имел разговор с начальником областного управления. Что же ты жениха сюда не притащил? Может, и папашу его тоже надо было, да и тестя несостоявшегося – в наручники?! Думаешь, чем больше сдадим, тем лучше? Короче, от расследования этого дела ты отстранен. Материалы передашь Серову.

Эх, Семенов, Семенов ... – полковник укоризненно покачал головой. Когда же ты, наконец, начнешь понимать с кем и как можно разговаривать? Все еще качая головой, полковник Захаров вышел из кабинета.

– Нас когда отпустят? – поинтересовался охранник Петраков. У Вити вон, рука, болит сильно...

– Теперь этот вопрос не ко мне, – раздраженно ответил

Семенов. Сейчас передам материалы другому следователю, пусть голова теперь у него болит.

Всех троих задержанных вывели из кабинета и усадили в коридоре под присмотром оперативника Овчарова. Семенов, захватив все материалы по этому жуткому преступлению, отправился на утреннее совещание. Где, доложив о проделанной им работе, передал их, по распоряжению руководства, старшему следователю Глебу Серову.

– Майор, примите в свое производство и разберитесь, – сказал полковник Захаров. Вы человек опытный, не то, что этот ... – начальник следственного отдела кивнул на Семенова. Прошу вас, отработайте все по максимуму. Дело – то очень непростое...

– Так точно, – кивнул Серов.

– Кстати, по распоряжению оттуда ... – полковник многозначительно указал пальцем на потолок, ты освобождаешься от всех текущих дел. Занимайся только этим и прислушивайся к мнению Никитина и, особенно, Артемьева. Будешь работать с ними, их охраной и, возможно, со спецслужбами...

– Есть, – кивнул Глеб. Взяв у сконфуженного Семенова папку с протоколами осмотра места происшествия, допросов свидетелей и постановлениями о назначении экспертиз, Серов покинул кабинет начальства.

Проходя мимо Овчарова, Глеб поинтересовался: – Кого караулишь?

– Да вот, понимаешь, Семенов троих задержал, – ответил тот.

– Понятно, – усмехнулся Серов и предложил: "Граждане! Пройдемте ко мне, побеседуем."

Недовольно ворча, охранники и программист двинулись за ним следом. Следователь завел их в свой кабинет и предложил присесть. Быстро пробежав глазами материалы, собранные своим непутевым коллегой, майор принялся уточнять у охранников как все произошло. Те, повторив, слово в слово, свои первоначальные показания, поинтересовались, когда их, наконец, отпустят.

– У Виктора рука сильно покалечена, да и я тоже сильно устал, – пояснил Владимир Петраков.

– Я вас, конечно, отпущу, но под подписку о невыезде, – пообещал Серов.

В отличие от Семенова, Глеб был человеком вполне уравновешенным и никогда не позволял себе повышать голос на подсудимых. Тем не менее, раскрытых дел на его счету было куда больше, чем у других коллег. Не в пример Семенову.

– А вы... – Глеб неожиданно обернулся к Максиму. Что там делали, возле усадьбы?

– Я уже говорил, хотел Светлану предупредить, что Михаил ее – темная личность.

– Это жених? – спросил следователь.

– Да, – кивнул Максим. Понимаете, я любил Светлану, но

она только смеялась надо мной...

А тут вдруг свадьба. Она меня пригласила, Я, как узнал, так сразу же ей позвонил. Попросил встречи, сказал, что надо кое-что ей сказать. Но она лишь посмеялась и пригласила меня на свадьбу. Предложила там ей все рассказать.

– Понятно, – кивнул, терпеливо слушающий своего собеседника Серов. Но вы ей не рассказали?

– Нет, – сокрушенно вздохнул Максим. На свадьбе она со своим Мишей все время была в окружении гостей.

– Поэтому, когда вы увидели, что молодые куда-то уходят, пошли за ними? – задал очередной вопрос следователь.

– Да, – ответил его визави. Но только я выскочил вслед за ними, как увидел, что кроме меня их преследуют еще и охранники.

– Они? – указал рукой на сидевших тут же секьюрити, спросил Серов.

– Да, – подтвердил Максим. Но был еще и третий.

– Борис погиб, – мрачно выдавил охранник Виктор. Погиб, пытаясь спасти молодых...

– Да, трагедия... – протянул Глеб Серов. Так, что именно вы хотели сказать Светлане?

– Что Михаил является членом секты, которая поклоняется каким-то темным силам, – выпалил Максим.

– Откуда вы это узнали? – поинтересовался следователь.

– Понимаете, я состою в нескольких интернет-сообщениях

ствах. И вот, узнав, что Света выходит замуж за Михаила Артемьева, я решил навести о нем справки. Списался с его знакомыми и мне ответили, что он состоит в секте. Заинтересовавшись, я начал собирать информацию. И выяснил, что он частенько устраивает какие-то собрания в заброшенной усадьбе, рядом с загородным особняком своего отца. Съездил туда, поговорил с местными и они мне рассказали такое, такое... – понизив голос, Максим даже закатил глаза от ужаса.

– Продолжайте, – попросил его следователь. Все это очень интересно.

– Оказывается, во время революции в усадьбе убили хозяев. И теперь там происходят странные вещи. Людям то хозяйка в белом платье привидится, то старик с саблей окровавленной...

Местные говорят, будто призраки там до сих пор живут. Не могут покинуть своего родового гнезда... Но не только они там появляются. Вроде, есть и еще какой-то кошмар. В 40-е годы, во время войны, да и после нее, возле усадьбы частенько находили изуродованные трупы. Причем гибли только местные жители. Я интересовался.

– Можете мне показать, откуда вы все это взяли? – попросил следователь.

– Конечно, – согласился Максим.

– Ну а Михаил тут при чем? – спросил Серов.

– Он состоит в сообществе "Колдуны России", – ответил

Максим. И со своими сектантами постоянно крутился возле усадьбы. Может, разозлил темные силы?

– Вы все проходите по этому делу как свидетели, – вздохнув, Серов попросил охранников и Максима Левитина дать подписку о невыезде.

– Это пустая формальность. Но вы все-таки никуда не отлучайтесь. Да, Максим, зайдите ко мне завтра и покажите, на каких именно сайтах вы собирали информацию о Михаиле и об истории усадьбы. Проводив всех троих до порога, Глеб попрощался с ними. После чего вызвал дежурную машину и решил лично осмотреть место происшествия. Что поделать, ну не доверял он своему коллеге Семенову! "Небось, опять суетился, бегал, прыгал, кричал и запросто мог упустить что-нибудь очень важное!" – подумал майор. Захватив с собой оперативника Евгения Овчарова, Серов выехал за город.

Старая усадьба встретила их тяжелым молчанием.

– Вы все здесь осмотрели? – спросил Серов своего спутника.

– Я не знаю, – ответил тот. Я одних опрашивал, остальные других. Альгирдас, криминалист ваш, вроде все отработал. Но было темно, все взвинченные, на нервах... Вполне могли и чего-нибудь не заметить...

Так и оказалось.

Глава 6

...Сначала есаул хотел идти на вокзал, но вовремя одумался. По всей вероятности его там будут искать в первую

очередь. Поэтому Константин Евгеньевич решил сначала где-нибудь отсидеться и разжиться деньгами. Коих, к слову сказать, у него не было ни копейки.

В ту пору грабежей в городе было хоть отбавляй. Поэтому одним больше, одним меньше – сути не меняло. Присмотрев одиноко стоящий на окраине купеческий дом, есаул, немного поколебавшись, вошел во двор.

– "Что я делаю?! Зачем?!" – крутилось в его голове. "Но, как я смогу добраться до Севастополя без денег? К тому же, надо где-то переждать переполох: трое убитых из Комитета – это не шутки! Искать меня станут крепко!".

Забравшись в окно первого этажа, он до смерти перепугал хозяев. Купцу на вид было лет около пятидесяти пяти, а его супруге чуточку меньше. Облаченный в синий парчовый халат владелец особняка, как сидел в кресле с трубкой зубах, так при виде есаула чуть было ею и не подавился.

– Кто вы?! Чего надо?! – дрожащим голосом спросил он незваного гостя. Хозяйка, оказавшаяся намного смелее своего супруга, вдруг запустила в незнакомца большой фарфоровой вазой. Причем так ловко, что офицер даже не успел увернуться. От серьезного ранения его спасла лишь косматая папаха.

– Ты, что, тетка, убить меня хочешь? – потирая ушибленный висок, спросил Маматов.

В ответ женщина, поправив свой кружевной чепец, ответила: " А чтоб ты, сдох бандит!"

– Тихо, тихо, Марья Степановна! – запричитал купец. Не злите молодого человека! Если надо что-то, берите, только не убивайте нас! – обратился он к гостю.

– Ну, конечно, Матвей Иваныч, вы уже обосрамшись! – презрительно скривила тонкие губы купчиха, с неудовольствием глядя на своего мужа. А кто наемни грозился, мол, ежели придут большевики за казной, то перестреляю их всех к чертям собачьим?!

– Не говорил я такого, Марья Степановна, не выдумывайте! – горячо возразил хозяин, с опаской глядя на реакцию гостя. Возможно, он не разглядел, что перед ним царский офицер и дико боялся, что этот гость пришел от новой власти.

– Да, успокойтесь вы! – махнул на них рукой тот. – Никого убивать не стану, дайте только пару деньков у вас перекаптоваться. Но если сдать меня красным вздумаете, то не взыщите! – есаул угрожающе звякнул своей шашкой.

– В доме есть еще кто?

– Нет, – дружно замотали головами хозяева. Аглашка, служанка наша, со своим хакелем третьего дня сбежала и часы каминные стащила, стерва! – выругалась Марья Степановна. Да мы сами, с Матвей Иванычем тоже бежать собрались от извергов этих!

– Правильно, – пролетарии купцов тоже не жалуют, – усмехнулся есаул. Вы там сделайте все свои дела, в нужник сходите, – сказал Константин Евгеньевич. А после я вас свяжу, не взыщите. На всякий случай, чтоб не удумали чего.

Проведя две ночи с владельцами особняка, он, напоследок, заставил их поделиться деньгами. Надо сказать, убедить их в этом оказалось совсем нелегко. Но, пригрозив хозяевам в очередной раз, он смог разжиться не только довольно солидной денежной суммой, но и выбрал себе сносную одежду из купеческого гардероба. Согласитесь, расправившись с тремя представителями новой власти, показываться на улице в шинели с офицерскими погонами и в очень приметной папахе было бы равносильно самоубийству. Поэтому есаул оставил в доме купца папаху, шинель, мундир и синие шаровары с красными лампасами Всевеликаго войска донского. А сам облачился в широкие серые плисовые брюки, заправив их в свои, начищенные до блеска, хромовые сапоги. Картину перевоплощения дополнили двубортный синий пиджак и длинный черный сюртук. На голову он водрузил серый картуз. Но, едва увидев свое отражение в старом, засиженном мухами зеркале в спальне хозяйки, с досадой плюнул на дорогой персидский ковер и злобно выругался: " Чучело, ну право, чучело!"

Однако, деваться было некуда. Константин Евгеньевич, вспомнив о своих приметных черных усах, пошел в ванную и начисто их сбрил. Теперь, когда он ничем особым не выделялся из городской толпы, можно было отправляться на вокзал.

– Хозяйка! – позвал он.

– Чего тебе еще, ирод ты окаянный?! – прозвучало в ответ.

– Не будет ли у вас какой-нибудь красной ленточки? – поинтересовался офицер. Ленту требуемого цвета отыскивали среди прочих на летней шляпке купчихи. Константин Евгеньевич, чертыхаясь на чем свет стоит, прицепил ее булавкой к своему сюртуку.

– Пролетарий ты, ну просто вылитый большевик! – со сладкой издевкой произнесла Марья Степановна.

– Да ну вас всех к бесу! – так своеобразно поблагодарив купеческую чету за гостеприимство, незванный гость спросил напоследок: "Шашку мою возьмете на сохранение?"

– К чему нам она? – пожалала плечами хозяйка. Забирай, забирай с собой страсть эту!

– Ну, уж нет, Марья Степановна! – возразил хозяин дома. Она же как плата за все наши страдания и неудобства. Давай сюда, вещь знатная, сгодится! За нее кучу денег выручить можно...

– Нет! – вскинулся есаул. Попробуй только продать ее, нутро суконное! Я из тебя душу выну! Потом за ней обязательно вернусь.

Сокрушаясь по поводу того, что шататься с такой заметной шашкой по улицам города, где большевиков пруд пруди, просто невозможно, Константин Евгеньевич оставил ее в прихожей. А сам отправился на вокзал.

Есаул шел неспешно, но при этом очень внимательно, хотя и незаметно для окружающих, оглядывался по сторонам. Возле вокзала он вдруг увидел военный патруль. Двое

в длинных солдатских шинелях и ботинках с обмотками и один в штатском, видимо главный, шли прямо на него. Человек в гражданской одежде был черноволос, высок ростом, имел каштановые усы и длинный чуб. Его кожаное пальто выглядело довольно новым, голову покрывала офицерская фуражка с сорванной эмблемой, а на правом боку в деревянной кобуре висел маузер.

И когда между ними осталось каких то пять шагов офицер и штатский взглянули друг на друга. В глазах у обоих вдруг появилось выражение удивления.

– Ты-ы-ы?! – тихо спросил начальник патруля. Не может того быть!

– Что такое? – вырвалось у есаула в ответ.

– Костя! – заорал штатский, бросаясь на Константина Евгеньевича и сжимая его в объятиях. Живой, черт!

– Гриша, ты? – неуверенно спросил есаул.

– Я! – заорал в ответ начальник патруля. Ты откуда здесь? Мы ж с ребятами тебя еще в прошлый год похоронили и даже заупокойный молебен заказывали!

– А Бога нет! – вдруг произнес один из солдат.

– Да заткнись ты, лапоть огородный! – рявкнул на него Григорий. Не видишь, друга встретил!

– Чтой-то он на офицера уж больно смахивает... – с нескрываемым подозрением разглядывая Маматова, произнес бдительный солдат.

– И что?! По-твоему выходит, если офицер, так он сра-

зу против народа?! – возмущенно спросил тот, кого звали Гришей. Я вот, например, тоже дворянин, подьесаул. И что? Солдат промолчал.

Григорий Иванович Беляев происходил из дворян Всеволодского войска донского.

– Мы такого на фронтах хлебнули, чего тебе в твоей деревне и не снилось!

– Да, конечно, за царя и Отечество, – ехидно проворчал солдат.

– За землю русскую, понял? – угрожающе взглянул на него бывший подьесаул.

– Да ладно вам, – примирительно произнес Константин Евгеньевич. Значит, это вы меня из полевого лазарета в госпиталь под Луцк привезли? Спасибо.

– Мы, Костя, мы, – кивнул его бывший сослуживец. С Минькой и Ефимкой.

– Живы?.. – спросил есаул.

– Нет... – покачал головой Григорий. Погибли сразу после того, как прибыли назад из госпиталя. На пулеметы бросили нашу сотню...

Ты-то как тут оказался? – сам себя прервал Гриша.

– Да, вот из-под Луцка в калужский госпиталь перевели, – ответил есаул.

– Вылечили? – поинтересовался его собеседник.

– Куда там... – махнул рукой Константин Евгеньевич. Как была дырка в животе, так и осталась. Сегодня с утра только

перевязал.

– Ну, ничего себе! – удивился Гриша. Не х.. не могут эти лекари, столько времени уже прошло...

Поговорив еще несколько минут, фронтовые товарищи зашли в ближайший трактир. Правда, оба солдата из патруля сильно этому возмутились и пообещали доложить кому следует.

– Вы грубо нарушили дисциплину, товарищ Беляев! – сказал бдительный боец. Видать, дворянство ваше наружу так и прет!

– Пошли вон! – приказал Григорий, предварительно отправив обоих по матушке.

За стаканом водки Гриша спросил Маматова, что тот собирается делать дальше?

– Ведь, это я для этих, сиволапых плел, будто ты, Константин Евгеньевич, за народную власть кровь проливать побежишь, – усмехнулся он.

– Спасибо, что поддержал, – сдержано поблагодарил его есаул. Сейчас хочу в Севастополь махнуть.

– Куда? – удивился Гриша. Ведь это через всю Украину ехать! А там сейчас черт знает, что твориться. Документы-то у тебя в порядке?

Константин лишь отрицательно покачал головой.

– Ну, тогда сиди здесь и жди, я мигом, – встав со скамьи, Гриша быстро пошел к выходу.

– Патронов для нагана достань мне, если сможешь, – на-

последок попросил его есаул. Тот кивнул.

Константин Евгеньевич сидел в трактире больше трех часов и уже было отчаялся дожидаться своего знаконца, как вдруг Беляев, наконец, появился. В руках он держал выдавший виды кожаный чемоданчик.

– Вот, держи, Костя, – с этими словами Григорий протянул ему несколько бумаг.

– Ну, ты даешь! – восхитился есаул. Это ж на разные фамилии!

– Тихо! Не ори ты так, услышат еще... А ехать нам с тобой далеко и долго, – с этими словами Григорий незаметно насыпал Константину Евгеньевичу в карман сюртука десятка полтора патронов. От нагана, как ты просил, – пояснил он.

– Спасибо. А что ты сейчас насчет поездки сказал? – удивился есаул. Ты тоже собрался?

– Да, ведь мне теперь, понимаешь, с товарищами не по пути, – пояснил Григорий. Солдатики уже понарасказали начальству о нас. Мол, двое офицеров недобитых что-то де затевают. И вызвали меня на заседание Комитета... Григорий сделал паузу, выудил из кармана кожаного пальто большие золотые часы и, взглянув на белый фарфоровый циферблат, наконец, закончил фразу: ... к девятнадцати часам. Потом арестуют, наверное. Они так всегда делают. Вот и пошел я к знакомцу в канцелярию, а он выправил нам несколько документов. Все сгодятся, наверное...

– Молодец, казак! – похлопал однополчанина по плечу

Маматов.

– Так ты и не сказал, зачем тебе в Севастополь? – вспомнил Беляев.

– Девушка у меня там, – пояснил есаул.

– А, тогда, как можно скорее, туда надо добираться, – встав со скамейки, сказал Григорий. Не ровен час, плохое может случиться: или большевички к власти придут или кто еще, головой ушибленные... Вытаскивать ее оттуда надо!

Глава 7

...Поднявшись по мраморной лестнице, коллеги вошли в усадьбу. Неторопливо обошли ее, заглядывая во все комнаты. Майор Овчаров терпеливо объяснял следователю, где лежала мертвая Светлана, где находился ее жених Михаил...

– Погибший охранник Борис лежал тут, – майор указал рукой на обведенный мелом контур человеческого тела. Вон кровь подсохшая.

– А второй, который руку потерял? – спросил Серов.

– Он практически рядом сидел, – ответил Евгений Овчаров. На стене брызги крови, это его кровь.

– И Виктор и Владимир говорят про одно и то же, – задумчиво произнес следователь. О каком-то здоровенном существе...

– Знаешь, что я думаю? – спросил Овчаров. Это животное какое-то, которое на людей натаскали. Или же человек в шкуре или в костюме животного.

– Первая версия нравится мне больше, – усмехнулся сле-

дователь. Человек, в какой бы он шкуре не был, не смог бы нанести такие ранения. Кстати, осматривали только здание дома или вообще все постройки?

– Только это здание, в котором мы сейчас находимся, – ответил оперативник.

– Почему? – удивился Серов. Впрочем, извини, этот вопрос не к тебе.

– У убитого охранника, которого звали Борисом, в руке был обнаружен клочок какой-то бурой шерсти, – вспомнил Овчаров.

– На экспертизу отправили? – встрепнулся следователь.

– Я не знаю, спроси у коллеги своего, Семенова, – пожал плечами оперативник.

– Главное, чтобы не потеряли! – Серов вытащил из кармана мобильник и набрал Семенова.

– Привет, ты шерсть на экспертизу отправлял? Я в материалах такого постановления не находил. Почему?! Как не знаешь?! Да, что же ты наделал!

– Потерял?.. – сочувственно поинтересовался Овчаров.

– Да он даже не помнит про этот клочок! – возмущенно ответил следователь. Знаешь, придется тебе в райцентр смотреть, найти тех врачей, которые приезжали на вызов и найти эту проклятую шерсть!

– Давай-ка сначала обшарим окрестности, – предложил оперативник. Чтобы потом снова не возвращаться.

Они вышли во двор и направились в сторону родового

склепа, в котором покоился прах нескольких поколений дворян – владельцев усадьбы.

Солнце скрылось за темно-свинцовыми тучами, на землю упали первые капли дождя. Когда они уже почти подошли к усыпальнице, следователь вдруг заметил чью-то тень. Ни слова не сказав своему спутнику, Серов кинулся туда, в кусты.

– Гляди, Женя! – через минуту громко воскликнул он, – кажется, я шерсть нашел!

– Да, – Овчаров внимательно осмотрел находку. Она очень похожа на ту, что я видел в ночь убийства. Покойный охранник Борис сжимал ее в руке.

– Я сейчас ее изыму, – следователь, опустившись на корточки, открыл свой дорогой портфель из коричневой тисненой кожи и достал оттуда маленький пинцет и полиэтиленовый пакетик. Серов уже собирался было снять шерсть с куста, как вдруг сзади раздался глухой и скрипучий голос.

– Стой! Не смейте брать это!

Разом обернувшись, следователь и оперативник увидели прямо за собой молодого черноволосого мужчину с небольшими элегантными усами. На нем были синие джинсы и черный пуловер. Из-под джинсов выглядывали дорогие итальянские туфли. Средний палец правой руки его украшал массивный золотой перстень с большим красно-красным камнем. В самой середине багровый отлив сильно темнел и казался абсолютно черным.

– "Рубин, наверное..." – подумал Серов и спросил: "Кто вы и как здесь оказались?"

Незнакомец, пристально взглянув следователю прямо в глаза, усмехнулся и повторил: " Милостивые государи, если хотите жить, то даже не прикасайтесь к этому ничтожному клочку."

– Он, что? Нам угрожает? – возмутился майор Овчаров.

– На, смотри! Я старший оперуполномоченный майор Евгений Овчаров. Он... – опер, – указал пальцем на своего коллегу, – ... старший следователь майор Глеб Серов. Теперь назови свое имя.

– Да, уж манеры у вас, должен заметить, – укоризненно покачал головой незнакомец. Не хорошо пальцами в людей тыкать. Так вот, я с вами, милостивые господа, на брудершафт не пил. И посему, убедительнейшим образом попрошу обращаться ко мне исключительно на "вы". Мое имя... а, впрочем, какая разница! – прервав сам себя на полуслове, незнакомец внезапно схватил с ветки клочок бурой шерсти и мгновенно скрылся в зарослях.

– Держи! – выхватывая из кобуры "макаров", заорал Овчаров и бросился за беглецом.

За ним побежал и Серов. Однако, несмотря на все старания, настигнуть незнакомца они не смогли. Он, как сквозь землю провалился.

– Да,, – выругался Овчаров. Куда же этот ... подевался! Сто процентов, он живет где-то поблизости. Надо

будет участкового расспросить.

– После, – ответил Серов. Сейчас айда обратно, посмотрим, может, хоть несколько волосков там найдем?

И, правда, хоть неизвестный молодой человек и сорвал шерсть с ветки, кое-что там все-таки осталось.

– Думаю, для проведения экспертизы этого хватит, – довольно заметил Серов, запечатав остатки шерсти в полиэтиленовый пакетик.

– Пошли, зайдем в склеп, – позвал его Овчаров.

Массивная железная дверь оказалась незапертой. Поэтому Серов с оперативником смогли легко проникнуть внутрь сего мрачного сооружения.

Склеп имел округлую форму и был довольно высок. Купол возвышался метров над землей метров на семь. Изнутри он был весь покрыт штукатуркой и расписан фресками на библейские темы. Но местами от времени фрески осыпались. Вдоль стен на массивных деревянных полках стояло с десяток гробов.

На мраморном полу, прямо посреди помещения, вошедшие увидели тяжелую крышку люка с бронзовой позеленевшей ручкой.

– Взглянем? – бросив на Серова вопросительный взгляд, Овчаров нагнулся и потянул за ручку. Крышка, с противным скрежетом подалась, отворив черный зев мрачного подвала. Вниз вела железная лестница.

– Фонарь есть? – поинтересовался опер.

– Да, – Серов вытащил из портфеля небольшой фонарик и полез в темную неизвестность. Овчаров двинулся за ним. Включив фонарь, следователь увидел довольно большое помещение. Стены его оказались из старой кирпичной кладки. Вдоль них, так же как и наверху, были установлены двенадцать почерневших от времени и прогнивших деревянных гробов.

– Смотри! – заметив в стене маленькую железную дверцу, Овчаров указал на нее своему спутнику.

– Интересно, что там, за нею? – спросил Серов.

Надо попробовать ее открыть! Но сколько бы они не пытались это сделать, у них ничего не получилось.

– Такое впечатление, что она заперта изнутри! – Овчаров грубо выругался.

– Не ругайся, пожалуйста, Женя. Нельзя тут, глянь-ка лучше сюда! – с этими словами Глеб Серов ткнул пальцем в верхнюю часть половину дверцы.

– Ба! Да здесь дырка! – обрадовался его напарник. – А дырки, как всем известно, для того и сделаны, чтобы в них смотреть! – с этими словами Овчаров прижался лицом к дверце и попытался рассмотреть что же за ней находится.

– Вижу свет, кажется, свечи горят ... – изумленным шепотом поведал оперативник своему спутнику. И этот самый кекс там, который от нас убежал! Эй, ты! Открывай немедленно полиция! – заорал Овчаров. Но из-за двери не донеслось ни звука.

– Зачем же ты заорал? – укоризненно спросил Серов. Дай, взгляну. Но там же сплошная темень! – тихо произнес он, бросив вопросительный взгляд на оперативника.

– Какая, к черту, темень! Там же свечи горят! – удивился Овчаров.

– На, сам посмотри, – следователь отошел от дверцы и дал возможность оперу убедиться в правоте своих слов.

– Черт, точно, – растеряно почесал затылок Овчаров. Но я же точно видел и свечи, и нашего беглеца!

– Может, показалось тебе? – осторожно предположил его напарник.

– Нет, какое там!

– Ладно, давай выбираться, – с этими словами следователь полез наверх по железной лестнице.

Но когда они с Овчаровым направились к выходу из склепа, прямо перед ними вдруг возник ужасный череп! Он угрожающе оскалил на них свои длинные клыки.

–твою!.. – гаркнул оперативник, хватаясь за пистолет.

– Ай, погоди милоч! – услышали оба старческий перепуганный голос. Не стреляй, ради Бога, Митрич я. Сторож здешний... Тут Серов и его спутник смогли, наконец, разглядеть, находившегося перед ними человека. Таинственный голос принадлежал худощавому, невысокому старику. Стоя перед напарниками навытяжку, он сжимал в руках здоровенный череп. Кому из животных он принадлежал, ни Овчаров,

ни следователь определить так и не смогли...

– Тьфу ты, черт старый! – облегченно выругался Овчаров. – До смерти же напугал!

– А вы кто такие будете то?! – прищурившись, поинтересовался дед. Положив свою странную и страшную ношу на землю, он потянул было с плеча старенькую двустволку.

– Стоп, мы сотрудники правоохранительных органов, – остановил боевого старика вперед Овчаров. Я – старший оперуполномоченный майор Овчаров, а он – старший следователь майор Серов. Вот, смотри, наши служебные удостоверения. Внимательно изучив предъявленные ему документы, старик спросил: "Ну и чего вы тут забыли? Покойники то, чай ничего натворить не могли? Так на кой ляд вы к ним полезли?"

– Мы расследуем двойное убийство, – пояснил Серов.

– А-а, это, которое в усадьбе на днях приключилось? – догадался Митрич.

– Его, – кивнул Овчаров. Слушай, дед, чего этот кошмар с собой таскаешь?

– А черепушку-то эту, что ли? – старик усмехнулся. Да вот нашел только что, возле ограды валялась...

Взяв череп в руки, Серов обнаружил, что его челюсти могут смыкаться и размыкаться.

– Смотри, Женя, тут, кажется, механизм какой-то хитрый, – с этими словами он протянул находку Овчарову.

– А на зубах, кажется, следы крови... – внимательно раз-

глядывая костяные челюсти, тихо произнес оперативник. Может, это орудие преступления?

– Так, все ясно, – махнул рукой следователь Серов. Отец, с нами поедешь, иди в машину, садись.

– Куды это вы меня везти собрались? – замахал руками сторож. Не поеду я никуда!

– В отдел прокатишься, а потом мы тебя обратно доставим, – пообещал старику Овчаров.

Глава 8

...Бывшие офицеры отправились на вокзал, где узнали о том, что нужный им поезд отходит только на следующий день.

Надо сказать, что на железных дорогах бывшей Российской империи царил тогда самый настоящий хаос. Вокзалы были забиты до предела обозленным людом. Но представители новой власти – сначала эмиссары Временного правительства, а затем и большевики, как ни старались, улучшить ситуацию так и не смогли.

Правда, друзьям повезло. Прикупив в дорогу хлеба, вареных куриных яиц и сала, они, матерясь и щедро раздавая зуботычины, влезли в вагон. Поезд отходил на Орел. Через две недели с лишком, миновав Курск, Марьино и еще Бог знает сколько мелких станций и полустанков, после трех пересадок и ночевки в открытом поле (это в декабре-то!), они прибыли в Харьков. По пути у них несколько раз проверяли документы. Тут только Константин Евгеньевич понял, как

на руку оказалась случайная встреча с бывшим однополчанином. Если бы есаул отправился в дорогу, не имея в кармане никаких документов, то его непременно бы арестовали. Проверяющие были повсюду. На перронах, в вагонах, в шинках да и просто на улицах. Одетые черт знает во что, худые и озлобленные люди ходили группами и проверяли документы у встречных-поперечных. И горе тем, у кого этих самых документов не было или же бумаги вызывали подозрения. Их тут же арестовывали и куда-то уводили. К счастью, у приятелей документы имелись.

Однако, несмотря на обилие патрулей, в городах и селах царила самая, что ни на есть, анархия.

Из Харькова, иногда на попутных подводах, иногда пешком через Лозовую, Александровку и Алексеевку, добрались до Джанкоя. Надо сказать, дорога сильно измучила Маматова. Его незаживающая рана сильно ныла, есаулу надоело ежедневно перевязывать сочащийся слизью свищ.

– Заживет эта гадина когда-нибудь? – зло вопрошал он сам себя, заматывая живот очередной относительно чистой тряпицей.

– Больно? – сочувственно поинтересовался его спутник.

– Не очень, но довольно противно и желудок постоянно ноет, – ответил Маматов.

От Джанкоя до Симферополя рукой подать и Севастополь становился все ближе.

А Крым тем временем уже закипал. После Октябрьской

революции в Петербурге и Москве непримиримость большевиков и их противников толкала страну в жуткий котел бра-тоубийственной гражданской войны.

Едва Маматов и его спутник прибыли в Симферополь и отправились на базар за продуктами, как, прямо на улице, к ним неожиданно прицепились какие-то люди.

– Кацапы! – это слово было первым, с которым к приезжим обратились в Симферополе.

– Чего тут лазите? Чего вынюхиваете? – спросил один из подошедших – здоровый детина в овечьем тулупе. К нему тут же подтянулось еще человек пять. Они, видимо, сразу же поняли, что эти два кацапа являются царскими офицерами. И, скорее всего, рассудили так: привлекать внимания к своим особам пришлое не станут, а покорно отдадут все, что у них потребуют местные.

В это самое время в украинской Центральной Раде боролись две силы. Самостийники, ратовавшие за абсолютную независимость и автономисты, которые соглашались жить под чужим внешним патронажем.

Когда у власти в России находилось Временное правительство, оно пыталось протестовать против попыток сепаратизма, но остановить националистические настроения на Украине не смогло. Центральная же Рада, напротив, сумела завоевать симпатии уставших от войны солдат. Она просто пообещала им мир. Специально для них господа из Рады нарисовали призрачную и утопическую картинку будущего

благоденствия в незалежной. Это все явилось плодами российской революции на Украине, где основную роль сыграли сторонники и противники советской власти. В 1917 году Центральная Рада в Киеве превратилась в один из центров сопротивления большевикам в ходе Гражданской войны на Украине. При этом откровенных украинских националистов в Крыму не терпели, ведь там проживало очень много других национальностей. А в начале октября в Таврической губернии состоялась первая конференция большевиков, на которой был создан большевистский губернский комитет во главе с Миллером. И тогда же произошло объединение всех большевистских организаций Крыма. 6 ноября общечерноморский съезд моряков принял резолюцию о роспуске Центрофлота, не признавшего Советскую власть. Вторая резолюция касалась признания власти Советов и о создании вооруженных отрядов. Затем, был создан Таврический Совет народных представителей, провозглашенный высшим органом власти в Крыму. 26 ноября Учредительный Курултай в Бахчисарае объявил о создании Крымской Народной Республики. Следом избрали правительство – Директорию и приняли Конституцию. Ее 16-я статья провозгласила равноправие всех жителей Крыма независимо от их национальности. 16 декабря, как раз после приезда Маматова с его другом, был избран Военно-революционный комитет. А через четыре дня начались первые вооруженные столкновения между большевиками и мусульманским эскадроном, состо-

ящим из крымских татар. Вот в эту кашу и пришлось оку- нуться бывшим офицерам. Неразбериха и постоянное пере- тягивание одеяла от одних националистов к другим, запусти- ли цепочку военных действий. Они шли с 1918 по 1921 год. Сначала большевики взяли Киев, затем, согласно Брестско- му договору, Украина оказалась под немцами. Были, правда и те восемь недолгих месяцев, когда гетман Павел Скоропад- ский объявил республику "Украинской державой". Все это происходило на фоне бесконечного калейдоскопа граждан- ской войны: белые, красные и зеленые, поляки и сторонни- ки Украинской народной республики, батька Махно и бать- ка Ангел...

Но все происходило уже потом. Сейчас же Беляева и Маматова обступили человек пятнадцать. Разогревая свою ненависть руганью, сжимая кулаки, они кричали что-то обидное. Было ясно, что встреча с ними может закончиться для однополчан очень печально.

В руках у некоторых уже блеснули ножи.

– По-моему, они нас обзывают? – обернувшись к есаулу, спросил Григорий Иванович.

– Ты только понял? – усмехнулся тот. И шепотом спросил: "Маузер далеко?"

– Нет, я за ремень его заткнул, – ответил Григорий.

– Тогда давай на счет "три", – предложил Маматов.

– А, давай! – согласился его собеседник и тут же заорал: "Три!" Выхватив оружие, оба направили стволы прямо в рас-

красневшиеся, оружие физиономии самостийников.

– Назад! Окружившие их тут же отшатнулись.

– Пошли, есаул! – громко сказал Беляев и оба со всех ног бросились прочь.

Необходимо признать, что есаулу и его спутнику очень и очень повезло. Они напоролась на обычных уличных гопников. Если же к ним пристали быг эскадронцы, финал встречи мог быть совсем иным. Те были хорошо вооружены и не стали бы долго разговаривать с приезжими. Просто отвели бы их в сторонку и шлепнули возле какой-нибудь глухой стены...

Глава 9

...Усадив деда Митрича вместе с его страшноватой находкой в машину, Серов приказал водителю-сержанту сначала заехать в районную больницу.

– Нам, все-таки надо допросить врачей, которые выезжали на вызов в усадьбу, – сказал он Овчарову.

– Да мне поровну, – отозвался тот. И спустя минут сорок "уазик" подрулил к главному входу двухэтажной больницы.

– Я сам схожу, а ты, Женя, тут с Митричем пока поболтай, – предложил следователь Овчарову.

– Угу, – кивнул головой майор.

Войдя в холл, Серов первым делом осведомился у пробежавшей мимо медсестры где кабинет главврача. Но не успела она ответить, как позади раздался хриплый и весьма недружелюбный голос охранника:

– Вам, это... нельзя туда!

– Почему? – искренне удивился следователь.

– Да, потому... Нельзя и все! – прозвучало в ответ. Следователю хватило всего одного взгляда, брошенного на внезапного визави, чтобы понять: тот твердо вознамерился его "не пущать". Мрачно глядя на визитера исподлобья, охранник привстал со стула, а рука его уже шарила по поясу в поисках резиновой палки.

– Она у тебя с другой стороны висит, – любезно подсказал ему Глеб.

– А, если так? – он предъявил мрачному детине удостоверение.

– Ну и что ты мне своей ксивой в рыло тычешь?

– угрожающе спросил тот. Я таких сколько угодно могу на базаре купить! Не пуцу и все!

– Ладно, тогда я сейчас ОМОН вызову, а ты, скотина, с нами поедешь. На тебя дело возбужу.

Угроза подействовала, так как больничный секьюрити сразу же сменил тон: "А за че это? Я же просто свою работу выполняю..."

– За воспрепятствование законному расследованию, – ответил Серов. Короче, я в последний раз тебя спрашиваю, где кабинет главного?

– На втором этаже, – ответил обескураженный охранник.

– Вот сразу бы так! – раздраженно произнес Серов и направился к лестнице. Минуту спустя он уже был в кабинете

главврача. Тот оказался довольно полным мужчиной лет под пятьдесят и довольно любезным. По крайней мере, за порог Глеба не выставил. При виде удостоверения Серова, он по-няichtlich кивнул и поинтересовался по какому делу обязан визиту следователя.

– Ваша "скорая" приезжала на вызов в старую усадьбу, километров за тридцать отсюда.

– Это на свадьбу? Какой ужас! – воскликнул главврач. А вы что именно хотели?

– Мне нужно переговорить с теми врачами, кто выезжал на вызов, – ответил следователь.

– Неужели, что-то не так сделали? – насторожился хозяин кабинета. Жалобы поступили?

– Да нет же! – махнул рукой гость. Просто в их машине мог затеряться важный вещдок.

– А-а, ну так бы сразу и сказали, – главврач облегченно вздохнул. Пойдемте, я провожу вас.

Бригада, дежурившая в ту страшную ночь, оказалась на отдыхе. Но за медработниками сразу же послали санитарку. И получаса не прошло, как все они уже были в кабинете у главного.

– Это наш самый лучший работник Сергей Витальевич Мосолов, – представил следователю врача хозяин кабинета. А это медсестра Татьяна Сергеевна Аникишина и водитель Семен Павлович Мухин.

Назвав себя и объяснив цель своего визита, Серов попро-

сил вспомнить, не видели ли они в руке у погибшего охранника Бориса чего-нибудь постороннего? Например, клочка шерсти?

– Кажется, я видел, – задумчиво произнес врач Мосолов. Помню, еще подумал, какому животному она принадлежит?

– И куда потом делась эта шерсть? – спросил следователь.

– Ваши сотрудники попросили нас отвезти тела погибших в морг. Хотя это и не положено, но мы согласились.

– Не показалось ли вам тогда что-нибудь необычным? – поинтересовался у собеседников Серов.

– Да все там было как-то странно и страшно, – ответила медсестра Аникишина.

– Да, – кивнул врач Мосолов. Раны такие, что я, право, не припомню, чтобы когда-либо видел подобные. И спросил: "Вы уже раскрыли дело?"

– Следствие продолжается, – неопределенно ответил Глеб и, попрощавшись со всеми, отправился в районный морг.

Главврач предупредил заведующего о визите следователя и поэтому тот встретил гостя на пороге своих мрачных владений. Вопреки распространенному заблуждению, будто большинство патологоанатомов, да и прочих работников моргов, люди мрачные и замкнутые, заведующий оказался человеком жизнерадостным.

– Здравствуйте, меня зовут Василием Петровичем Никитиным, – отрекомендовался он. – А я, старший следователь следственного управления майор юстиции Глеб Се-

ров, – представился гость.

– Пройдемте в кабинет, – предложил заведующий.

Там Серов изложил ему суть своего прихода.

– Сейчас посмотрим, – встав со своего кресла, Василий Петрович пригласил следователя в прозекторскую. Кстати, заключения по обоим случаям уже готовы. Вот тело девушки, а вот – охранник, – заведующий указал рукой на два стола, где лежали несчастные жертвы ночного кошмара.

– Сашка, Сашка, ты куда делся? – вдруг крикнул Василий Петрович.

– Да не ори ты, здесь я, вот... – раздалось из соседнего помещения. И на пороге прозекторской появился худой и высокий человек. На нем был белый халат и клеенчатый передник, весь заляпанный бурыми пятнами.

– Ты там чего делаешь? – подозрительно принюхавшись к дыханию подчиненного, спросил Василий Петрович.

– Как это чего делаю? Работаю я... – равнодушно ответил тот.

– Да, это Александр Филиппович, наш прозектор, – спохватившись, сказал Серову заведующий.

И поинтересовался: "Заключения на них где?"

– У меня на столе, в черной папке лежат, – прозектор вышел и быстро вернулся, неся в руке папку.

– Позвольте, – Серов быстро пробежал глазами документы. Вы пишете, что смерть в обоих случаях наступила в результате травм, несовместимых с жизнью.

– Да, – кивнул Александр Филиппович. У обоих нарушена целостность шейных позвонков, порваны сонные артерии и яремные вены.

– Да вот, сами посмотрите! – с этими словами прозектор откинул простыни, прикрывавшие оба тела. Едва бросив на них взгляд, Серов почувствовал, как по коже его пробежал озноб. И хотя за годы службы ему не раз приходилось видеть погибших, самыми страшными из которых были жертвы, разорванные на части в различных ДТП, вид мертвой девушки с почти оторванной головой, потряс его.

– Да... – глубокомысленно заметил прозектор, закуривая сигарету. Рвали так, чтобы наверняка убить!

Быстро набрав номер Овчарова, следователь сказал: " Женья, хватай Митрича и тащи его вместе с черепушкой в морг. Я там."

Через пять минут Митрич, забившись в угол прозекторской, уже загибался в жесточайших приступах рвоты. Заведующий никак не мог увести старика наверх, в свой кабинет.

– Дедушка, да пойдёмте ко мне, выпьем чайку, поговорим, – пытался успокоить он Митрича. Наконец, извергнув из себя все без остатка, старик, поддерживаемый Василием Петровичем, шатаясь, побрел прочь. Дело в том, что Овчаров так быстро завел Митрича в прозекторскую, что никто не успел накрыть тела погибших. И, войдя, старик увидел перед собой весь этот ужас. Что тут говорить, если даже привычным ко всему следователю и Овчарову стало не по себе от

этого кошмарного зрелища...

– Скажите, Александр Филиппович, можно насести такие ранения вот этой пастью? – с этими словами Серов вручил прозектору череп. Внимательно изучив клыки, зубы и механизм, позволяющий открывать и закрывать пасть, тот с сомнением покачал головой. После чего, попросил у Серова свое заключение.

– Видите ли в чем дело... – медленно произнес он. – Рана-то там не одна. То есть, укус был не один, поэтому следы от зубов накладывались один на другой и перекрывали друг дружку... Но мне все-таки примерно удалось измерить ширину пасти, которая оставила эти страшные следы на шее у потерпевших. Она, по-моему мнению, составляет около двенадцати сантиметров. А у этого медвежьего черепа ... – эксперт взял с полки шкафчика металлическую линейку и принялся измерять расстояние между клыками, а также ширину пасти – ... позвольте, тоже примерно столько же! Тоже двенадцать...

– Вы сказали, медвежьего? – уточнил Серов.

– Да, ведь это череп медведя, – ответил прозектор. Я охотник и поэтому знаю, как он выглядит. Кстати, мишка ваш покойный был из крупных. Однако, я все же не думаю, что с помощью его пасти можно сотворить такое...

Хотя... Если, допустим, приложить соответствующее усилие...

– Сколько же килограмм оно должно составлять? – заин-

тересовался Овчаров.

– Ну, я не знаю... – задумчиво протянул прозектор. Знаете, вам, наверное, надо обратиться к специалистам – зоологам. Они точнее скажут.

– Спасибо, а клочка шерсти, случайно в руке у потерпевшего вы не находили? – спросил Серов.

– Ах, да, припоминаю! – Александр Филиппович открыл дверцу металлического застекленного шкафчика и снял с полки маленькую баночку с притертой крышкой. Вот эту самую шерсть я и нашел в руке погибшего.

– Мне надо ее взять и направить на экспертизу. Да, конечно, – кивнул прозектор, протягивая ему баночку.

Составив протокол обнаружения и выемки вещественного доказательства, а также, допросив прозектора в качестве свидетеля, Серов попрощался с ним. Сопровождая все еще шатающегося Митрича, коллеги подошли к ожидавшему их служебному "уазику".

– Я пока с Митричем у себя в управлении побеседую, по дороге, – сказал следователь. А ты, Женя, хватай судебно-медицинское заключение по факту гибели девушки и охранника. И не потеряй! – напутствовал он майора. Ведь здесь подробнейшим образом описаны все повреждения, которые эксперт обнаружил у потерпевших. Сгоняй в институт, пообщайся там с зоологами и прочими биологами... Главное, узнай, можно ли этой штукой причинить такие раны, какие выявлены у погибших?

– Ладно, – взяв документы, кивнул майор. А ты не забудь протокол изъятия на медвежью голову составить.

– Конечно... – кивнул следователь, выпрыгивая из "уазика" и помогая выйти Митричу. Овчаров умчался дальше – разыскивать зоологов.

Отворив дверь рабочего кабинета, Серов учтиво пропустил вперед старика. Тот, сжимая в руках череп, настороженно озирался по сторонам.

– Проходите, садитесь, – пригласил его следователь.

– Меня точно отпустят? – сторож опасливо посмотрел на майора. Я же эту ерунду по правде нашел!

– Да успокойтесь вы, наконец! – положив перед собой протокол допроса, с досадой бросил следователь. Я же обещал, допрошу и отвезу вас обратно! Да, череп я у вас изымаю, как вещдок.

– Чего это? – не понял старик.

– Ну, ведь вы нашли его поблизости от места преступления. И на клыках – кровь. Надо на экспертизу направлять, – пояснил Глеб.

– Направляй... – вздохнул Митрич. Слухай, ты думаешь, что черепом этим их того..., убили одним словом?

– Не знаю, но моя обязанность все проверить, – пожал плечами майор.

– Не может того быть! – твердо сказал старик. Силищи такой, чтобы голову этим черепушкой оторвать, ни у кого из людей нет и быть не может!

– Ладно, там видно будет, – ответил Серов.

Изъяв череп, он упаковал его и, оформив сопроводительную, вызвал стажера. Приказав отвезти его к экспертам, следователь приступил к допросу Митрича.

– Где вы были в тот день, когда в особняке гражданина Артемьева гуляли свадьбу?

– Дома сидел, – ответил старик. Один ведь я. Жена в позапрошлую зиму померла...

– Кто может подтвердить, что вы были у себя дома?

– Дык, сосед. Он ко мне заглянул, мы посидели маленько, выпили... – ответил Митрич.

– Фамилия и адрес соседа?

– Гаврилов Захар Михайлович. В соседней избе живет. А ко мне от жены сбегает. Ох, и злющая она у него! Не выпить, не закусить не дает!

– Понятно, проверим, – следователь быстро записывал за дедом его показания.

– Место работы? Вы же сказали, что охраняете чего-то там?

– Да, я конюшню сторожу.

– Как, по-вашему, кто мог убить этих людей? Может, волки?

– Нет, – покачал головой старик. Волки, ежели убивают человека, то сразу же по частям его и растаскивают.

– Медведь? – предположил Серов.

– Тоже навряд ли, – с сомнением сказал Митрич. Медведь

сначала лапой бьет и когтищами своими лицо человеку сорвать может...

А уж потом наваливается и клыками вцепляется. Хотя, этот моет, наверное...

– А собака крупная? – продолжил строить предположения Серов.

– Собака моет, – кивнул дед. Но только, если натаскали ее на людей. Господи! – воскликнул он и поднял глаза к потолку. Кому же такое понадобилось, чтоб девушку и парня зверьми травить? Но вообще то, не хватит у собаки силенок, чтобы так шею перекусить...

Да, у нас такое уже не раз бывало, – старик понизил голос до шепота.

– Собак натаскивали?.. – заинтересованно взглянул на Митрича следователь.

– Да нет, же!.. – с досадой ответил старик. Люди здесь с давних времен пропадать начали. Мне еще дед мой сказывал, когда я еще совсем мальцом был. Более тыщи душ сгинули. Нечистый во всем виноват!

– Думаю, незачем на него все сваливать! – махнул рукой Серов. Если люди с незапамятных времен пропадали...

– А почему тогда места гиблые у нас на тамбовщине, дявольскими да хлябными зовутся? Вон, лощина, что в Гавриловском районе, сколько душ человеческих сгубила!

– Сказки, все это! – возразил следователь.

– А, если сказки, тогда скажи, мил человек, почему в эр-

зый тоитляй столько людей гибнет? Грибников и охотников? И ведь, все местные, знают, что, где, да почему?!

Глава 10

... Бежали друзья довольно долго. Запыхавшись, оба, как по команде остановились и, обернувшись, посмотрели назад. За ними никто не гнался.

– Оторвались, кажется? – задыхаясь, произнес Беляев.

– Ага! – кивнул Маматов. Но, не зная города, они рисковали наткнуться еще на каких-нибудь бандитов, недостатка в которых город тогда не испытывал. К счастью для приезжих, дальше никаких приключений с ними не произошло. Добравшись, наконец, до рынка, они запаслись провизией. Там же отыскивали и человека, готового за весьма умеренную плату довезти их до Севастополя на своей подводе. Он хоть и оказался крымским татаринoм, по-русски изъяснялся довольно сносно.

– Конечно, можно было поехать и на поезде, – заметил Беляев. Благо, железную дорогу от Симферополя до Севастополя еще в 1875 году построили! И предложил Маматову поехать на вокзал.

– Ты, что, по товарищам соскучился или по какой другой шпане? – ответил есаул. Забыл, сколько раз нас в поездах проверяли, пока сюда добирались? Выведут из вагона, да и шлепнут! Минуту поразмыслив, Беляев согласился с приятелем.

Возница, отрекомендовавшись Исматом, велел обоим за-

бираться на подводу сзади. Сам сел впереди и взялся за вожжи. Надо отметить, что в упряжке была не одна, а две лошади, обе гнедой масти.

– На вид они, вроде ничего, – вслух оценил их состояние Беляев.

– Исмат, сколько же мы до туда трястись будем? – спросил Константин Евгеньевич.

– Трястица не будеш, я же подвода сена ложил, – ответил возница, который видимо, все понимал буквально. Или же просто делал вид.

– Сколько дней ехать, спрашиваю? – совершил вторую попытку есаул.

– Еке або уш кун, – прозвучало в ответ.

– А-а, ясно, – протянул Маматов и тихо сказал Беляеву: "Он над нами издевается, путает татарские слова с украинскими".

– Ну и что, все же и так ясно, он сказал – два или три дня! – ответил Григорий. У нас казаки-татары, тоже так говорили. Не помнишь, что ли, ваше благородие? – иронично спросил Беляев.

– Ага, значит и ты туда же? Прости, друг, прости! Забыл я, что ты у нас пролетарий и большевик, хотя и голубых кровей! – издевательски парировал Константин Евгеньевич. И, завернувшись в огромный бараний тулуп (таких в подводе оказалось три штуки), он заявил, что будет спать.

Путь до Севастополя лежал неблизкий, предстояло пре-

одолевать около семидесяти верст. Ехали по проселочным дорогам, иногда совсем близко от железнодорожных путей.

– Исмаг, ты в Севастополе живешь? – спросил татарина Беляев.

– В Крыму, в Крыму я живу, – ответил тот.

В начале пути они проехали Новониколаевку, Левадки, Скалистое, Глубокий Яр и Бахчисарай. Наконец, взяв правее и, миновав Инкерман, спустя четыре дня прибыли в Севастополь. Вручив татарину оговоренную плату, Константин Евгеньевич спросил его, где в городе госпиталь?

– Бельмим, – пожав плечами, ответил возница.

– Ясно, толку от тебя немного, – констатировал есаул и, забрав из подводы свои пожитки, приятели отправились на поиски госпиталя. Обоим сразу же бросилось в глаза почти полное отсутствие людей на городских улицах.

– Что тут случилось? – тревожно спросил Беляев. – Не знаю, наверное, опять твои большевички постарались! – ответил ему есаул. В самом деле, офицеров словно преследовал злой рок.

К сожалению, они ничего не знали о том, что перед их прибытием в Севастополь, по городу прокатилась волна красного террора.

Начало кровавым расправам было положено 15 (28 по новому стилю) декабря 1917 года, когда матросы с эсминцев "Фидониси" и "Гаджибей" разоружили своих офицеров. Затем, не откладывая дела в долгий ящик, они прогнали плен-

ных через весь город и расстреляли на Малаховом кургане. Эта жестокая казнь сыграла роль своего рода запального фитиля к последующим, куда более массовым расправам. Охота на офицеров и всяких там "буржуев" началась по всему Севастополю. Людей хватали прямо на улицах озверевшие команды военных судов врывались прямо в дома...

Не успели друзья добраться до центра, как были задержаны матросским патрулем. На бушлатах у черноморцев красовались алые банты.

– Стой! Документы давай! – приказал старший – невысокий матрос в бескозырке с надписью "Гаджибей".

– Вот, – Григорий Беляев протянул матросам документы на имя Василия Федоровича Белых.

– Ты!.. – обращаясь к Маматову, приказал другой патрульный – высокий и крепкий блондин. Есаул молча дал ему бумагу, в которой значилось, что он – Ефимов Мирон Павлович.

– Откуда и куда путь держите? – внимательно изучив документы, спросил матрос с "Гаджибея". – Разыскиваем врача, одного, – ответил Маматов, благоразумно не упомянув, откуда именно они прибыли в Севастополь.

– Как звать лекаря вашего? – спросил матрос.

– Малич Владимир Евграфович, – пояснил есаул и спросил: "Не подскажете, где здесь госпиталь?" – Он тут не один, – прозвучало в ответ.

– Врач-то ваш часом не из дворян? А то намедни немало

их в расход пустили!

– Да что ты, Василий Пантелеич, не видишь, что ли?!.. – вдруг громко крикнул молчавший до того третий матрос. Это же их благородия! В расход гнид!

– Тихо! – рявкнул старший. Обыскать обоих! Есаул с Беляевым попытались было сопротивляться, но их схватили цепкие руки. На помощь патрулю примчался еще с десятков матросов. У задержанных отобрали наган и маузер с патронами, а у Маматова к тому же еще и дамасский кинжал. Попутно обоих сильно избили и, связав руки за спиной веревками, куда-то повели. Как вскоре выяснилось, в порт. Оттуда, закинув в большую шлюпку, доставили на борт какого-то грузового судна. Уже смеркалось и поэтому названия корабля пленникам прочесть не удалось. Подгоняя пойманных пинками и ударами, матросы бросили их в темный и холодный трюм, где уже сидели два десятка арестованных.

– Что делать будем? – подползая к Маматову, спросил Григорий.

– Не знаю, – ответил тот.

– А что тут знать? – услышали они чей-то хриплый голос справа. Помирать, вероятно.

– Зачем? – пожал плечами есаул. Надо как-то выбираться!

– Куда и как, не подскажите ли, любезнейший? – усмехнулся едва различимый в тусклом свете электрической лампочки собеседник. Это был полный мужчина средних лет в дорогом сером пальто и шерстяных брюках. На ногах его

блестели лакированные ботинки. Заметив, что собеседники смотрят на его обувь, он усмехнулся и сказал: " Думаете, небось, как большевички такую знатную обувку проглядели? Ничего, они своего не упустят! Перед расстрелом все снимают, кроме белья. Я то уж знаю, видел..." Лицо его было разбито, а во рту не хватало зубов. Поэтому говорил он, шамкая.

– Простите, забыл представиться, Прохор Семенович Садовников, из купцов.

– Мирон Павлович Ефимов, – ответил Константин Мама-тов.

– Василий Федорович Белых, – отрекомендовался его спутник Григорий Беляев. Оба назвали те имена и фамилии, которые были указаны в их документах. Они решили твердо стоять на своем. И ни за что не выдать своих настоящих имен. Тем более, своего происхождения.

Но беда в том, что документов, что у них нашли при обыске, оказалось по два на брата!

– Не скажете, чего это матросики так озверели? – спросил есаул нового знакомого Прохора Садовникова.

– Скажу, – кивнул головой купец. Полезли они не на тех, на кого надо. Дело в том, что месяц назад трое большевичков, Мокроусов, Толстов и Степанов собрали около двух с половиной тысяч революционных матросов. И поперли на перехват, идущих на Дон из Могилева подразделения Русской армии. И смогли разбить их. Но позже нарва-

лись на донских казаков под командованием атамана Каледина. И матросский отряд был почти полностью вырублен. Как водится, вину за это досадное поражение возложили на бывших офицеров царской армии, которые имели неосторожность присоединиться к большевикам. В итоге, одного из бывших – лейтенанта Скаловского, матросы расстреляли. После чего убитых матросов, погибших в бою с белоказаками, повезли в Севастополь. Их похороны там закончились массовой демонстрацией. Все требовали немедленно расстрелять царских офицеров. Ко всему прочему, еще и комиссар флота Романец получил телеграмму от большевистского Совнаркома: "Действуйте со всей решительностью против врагов народа... Переговоры с вождями контрреволюционного восстания безусловно запрещены". Тут и началось... Под дикие вопли "Кончим всю явную и тайную контру!" и "Собакам – собачья смерть!" офицеров, а заодно и прочих "буржуев" расстреливали, вешали и просто забивали до смерти. Эти убийства потрясли Крым невиданной доселе жестокостью. Масло в огонь подлили и командированные в Севастополь матросы из Кронштадта...

– Понятно, – внимательно выслушав предысторию этого дикого матросского террора, кивнул есаул и спросил: " Не знаете, сколько человек в охране?"

– Не знаю, – ответил Садовников. Но немало и все вооруженные.

На следующее утро, вопреки ожиданиям, никакого зав-

трака арестованным не принесли. Вместо этого матросы с перекошенными от злобы лицами втолкнули в трюм еще около трех десятков арестованных. Разглядывая их, Маматов вдруг заметил знакомое лицо.

– Арнольд Карлович! – воскликнул он. Человек, которого он окликнул, небольшого роста и очень тощий, был одет в длинное серое пальто.

Услышав свое имя, он близоруко прищурился и достал из жилетного кармана пенсне. Водрузив его на переносицу, внимательно всмотрелся в лицо Константина Евгеньевича и воскликнул: "Есаул, это вы любезнейший!"

– Тихо, тихо, Арнольд Карлович, не надо так громко! – попросил его Маматов. Но было уже поздно: все, кто находился в трюме, обернулись и молча вперили взгляды в лицо Константина Евгеньевича. Арнольд Карлович Лохманн был ассистентом хирурга Малича. В госпитале под Луцком они вдвоем спасали Маматову жизнь. Теперь же, осознав, что он натворил, врач, качая головой, горестно прикрыл ладонью глаза.

– Простите, простите меня! – шептал он. Обознался я, товарищ! Но было уже поздно. В любом человеческом сообществе, когда над ним нависает смертельная угроза, найдется немало таких, кто ценой жизни других людей, попытается спасти свою...

– Так вы еще и есаул! – иронично произнес купец Садовников. Лучше бы жандармом были. Матросики-то, страх,

как злы на вашего брата. Накостыляли донцы им по шеям!

– Да черт с ними, матросиками! – выругался Маматов. Арнольд Карлович, скажите, что с Натальей? Где она? В ответ тот непонимающе вскинул на есаула глаза.

– Какая Наталья?

– Медсестра Абашева! – напомнил ему Маматов. – А-а-а! Перед тем, как весь этот ужас здесь начался, Владимир Евграфович поселил ее у какой-то старой татарки.

– Где?! У кого?! – есаул мертвой хваткой вцепился в лацкан пальто Арнольда Карловича. В водянисто-голубых глазах доктора мелькнул испуг.

– Отпустите меня, пожалуйста, я не знаю, – попросил он. Татарка на Екатерининской, кажется, живет.

– Где точно? Как найти? Имя назовите! – повторял Константин Евгеньевич, как заклинание. Его пальцы продолжали сжимать лацкан пальто хирурга.

– Смотрите, не убейте вы его, – вмешался купец, пытаюсь отцепить руку есаула от пальто Арнольда Карловича. Ну и хватка у вас, любезнейший!

– Татарка, часом, не в крепостном госпитале работала? – спросил Садовников у хирурга.

– Да, санитаркой у нас была, – ответил тот, потирая ладонью шею. Чуть не задушили вы меня! – с укоризной взглянул доктор на Маматова.

– Ну, простите меня великодушно, – извинился Константин Константинович. Вы что-то про татарку говорили? –

обернулся он к купцу.

– Да, живет она в районе площади Суворова, как зовут, не знаю, – ответил тот. Но говорят, будто она – ведьма! Послушайте, – прервал свое повествование Садовников, к чему вам все это? Нас же не сегодня-завтра расстреляют?

– Ну, это мы еще посмотрим! – отмахнулся от него есаул. А сам Владимир Евграфович, где он сейчас?..

– Так убили ведь его... – сокрушено покачал головой Арнольд Карлович. Такой прекрасный человек был, хирург замечательный! Сколько жизней людских спас! А тут – на тебе! Понабежали к нам в госпиталь, кто в шинелях, кто в бушлатах и давай всех хватать. Орала, как ненормальные, смерть буржуйам! Владимир Евграфович вступился за Ангелину Павловну, терапевта нашего, когда матросы куда-то ее потащили. Его схватили, вывели во двор и расстреляли... Вместе с Ангелиной Павловной.

Мне повезло, я им попался позже, когда они уже кровушкой насытились.

– Ну, не знаю, повезло ли вам, – отозвался купец Садовников. Нас же не на бал сюда притащили...

Его слова оказались пророческими. Железная дверь со скрежетом отворилась и на пороге появился здоровенный матрос в черном бушлате с наганом в руке.

– Эй, сволочь! – заорал он. Щас в Евпаторию отходим! Там вас революционная комиссия дожидается. Судить вас, гадов, будем!

Тут завели двигатель, который неохотно заработал, оглашая трюм натужным гулом. Под сию музыку старая посуда медленно отвалила от причала. До Евпатории ржавое корыто добралось ближе к полуночи. Голодные арестанты требовали еды, но матросы дали им только воду. Издеваясь над пленными, кричали, что умирать на голодный желудок веселее.

Утром пленников группами по несколько человек начали выводить на палубу. Там, на носу судна, установили стол, накрытый алой бархатной скатертью. За ним восседали трое. В середине расставил локти пожилой мужчина в кожаной куртке и с пышными усами. С виду заводской рабочий. Перед ним лежала стопка бумаг и стояла чернильница с воткнутой в нее ручкой. По бокам от него сидели двое матросов в бескозырках.

Так как Маматов держался вместе с Григорием Беляевым, Арнольдом Карловичем и купцом Садовниковым, то их вывели в одной группе. Константин Евгеньевич увидел, что возле левого борта стоят десять вооруженных винтовками матросов.

– Вот, вот этот – казачий есаул! – услышал вдруг Маматов. Оказалось, что кричал какой-то сутулый молодой человек, напоминавший приказчика из трактира. Его кривоногий грязный палец указывал прямо в лицо Константину Евгеньевичу. Я сам слышал, как этот худой, – молодой человек показал на Арнольда Карловича, его так назвал вчера! А я тут вообще не причем! Я за трудовой народ жизнь отдам! –

продолжал разоряться крикун.

– Ну-ка, ты, гнида, подойди сюда! – приказал Маматову мужик в кожанке.

– Сам ты гнида! – глухо ответил Константин Евгеньевич. Матросы недовольно загомонили. Раздались крики: "За борт его!", "В расход!".

– Тихо! – приказал мужик в кожанке, ударив по столу кулаком. У нас тут суд, а не балаган!

– Это у вас то суд? – усмехнулся Маматов.

– Заткнись, контра! – крикнул ему матрос, сидевший справа. Значит, признаешь, что есаул? – спросил его "кожаный".

– Да, я – есаул Всевеликого войска донского, русский дворянин Константин Евгеньевич Маматов, – прозвучало в ответ...

Глава 11

... – Что такое эрзяй тоитляй? – удивился Серов.

– В переводе с угро-финского это означает "яма мертвецов", – понизив голос, пояснил Митрич. Там постоянно кто-то пропадает, а кто-то и гибнет. Ох, и загадочные у нас места! – задумчиво покачал головой его собеседник.

– Помню, как нас, тогда еще пионеров, после войны учитель истории в музей Тамбовский повез. И там один сотрудник рассказывал, как зимой еще в 1859 году в яме мертвецов странно погибли девять чиновников из Тамбова. Они на охоту приехали, но вернуться в сторожку до темноты не успели. Так вот, разбили стоянку прямо на склоне оврага – на скло-

не эрзяй тоитляй! Ох, и зря они это сделали! – старик снова покачал головой.

– Ну, и что дальше случилось? – нетерпеливо поторопил своего визави следователь.

– Ну, никто не знает, – пожал плечами Митрич.

– Сделали они шалаш, и спать легли. И все.

Никто не вернулся. И лишь спустя какое-то время, на их трупы наткнулся местный егерь – Петр Баранов. Он сразу же вызвал полицию.

Об этом страшном происшествии запись имеется официальная. Когда урядник со следователем-то приехали на место, то увидели, что двое погибших лежали у входа в шалаш, еще один внутри, а остальные шестеро на склоне оврага.

– Да – а – а ... – удивленно протянул Серов, – значит, такое у вас не редкость?

– Какая там редкость, – отмахнулся сторож, – страсть одна!

– А как они погибли, по какой причине? –

продолжал допытываться следователь.

– Того я не знаю, – развел руками старик. Не сказывал про то музейный работник. Да и в советское время особо про такое говорить было нельзя. Матерьялизм, понимаешь! – усмехнулся Митрич.

– А не встречали ли вы, такого молодого парня, лет тридцати – традцати пяти в черном пуловере и в синих джинсах? – продолжил допрос Серов. У него еще на пальце коль-

цо золотое с большим красным камнем?

– С усами, парень?.. – сосредоточенно наморщил лоб Митрич.

– Да! – радостно подтвердил следователь, полагая, что старик сейчас выдаст ему на блюдечке все данные подозрительного субъекта.

– Привидение это, – мрачно ответил сторож, он здесь людям уже который год является...

– Да, твою же дивизию! – разочарованно бросил ручку на стол Серов.

– Я точно говорю, не живой это человек, – убежденно повторил старик.

– Где его, обычно, видят? – Глеб решил, во что бы то не стало докопаться до истины.

– Дык, возле усадьбы и видят, – ответил Митрич.

– Мы сегодня с оперативником Овчаровым, когда в склеп залезли, то заметили там что-то странное, – медленно произнес Серов. Точнее, это Женя Овчаров увидел. Там в подвале есть маленькая железная дверца. Так вот, он взглянул в дырку и увидел там горящие свечи. И того молодого человека, который от нас убежал. Майор закричал и тут, по его словам, свечи погасли...

– Ну, вы товарищи и даете! – изумленно глядя на майора, перекрестился Митрич. Мне, вот, хотя и доплачивают, чтобы я за усадьбой приглядывал, но я в склеп – ни ногой! А вы-то куды полезли? Смерти, ищите?

– Нам по долгу службы положено, – усмехнулся Глеб, да и не думаю я, что этот парень – приведение. Скорее всего, он в розыске и скрывается в склепе.

– Да кто ж в своем уме скрываться там будет?! – старик для убедительности, постучал себя кулаком по лбу. Место-то страшное! Души не упокоенные хозяина и хозяйки поместья там бродят. Но они никого не сгубили, так помаленьку пугают только. А вот молодой который, тот самый опасный!

– Так почему вы мне сразу все не рассказываете? – повысил голос Глеб. Хоть вывести его из себя было весьма трудно, тут он все же разозлился.

– Дык, я то и говорю – страсть! – ответил Митрич.

Следователь понял, что толку от Митрича больше не будет, дописал протокол допроса и попросил старика его подписать. Затем взял с собою пятерых крепких полицейских и кое-какой инструмент и повез к старой усадьбе. Войдя в склеп, подсвечивая себе фонариками, полицейские во главе с со следователем полезли в подвал. Глеб задумал взломать таинственную дверцу и, если посчастливится, задержать дерзкого молодого человека с усами. Однако дверца оказалась на редкость упрямой и долго не поддавалась их усилиям. Но вот, наконец, два здоровенных сержанта, ловко орудуя ломами, сорвали ее с петель.

– Стоять, не входите туда без оружия! – выкрикнул Глеб и, выхватывая на ходу "Макаров", кинулся первым в темную неизвестность. Лучи мощных электрических фонарей быст-

ро разогнали мрак. – "Странно, воздух здесь вовсе не спертый" – подумал следователь. – "Даже свежее, чем в склепе!".

За дверью скрывалась небольшое помещение. В нем находился старинный деревянный письменный стол, столешница которого была обтянута зеленым сукном. На нем стояли два старинных бронзовых канделябра, а рядом хрустальная чернильница в виде крылатой колесницы с двумя конями. Возле стола расположился простой, разохшийся от времени табурет.

Левую стену подпирал шкаф, полки которого были сплошь уставлены старыми книгами. У правой стенки следователь увидел кровать с тонким матрасом и шерстяным одеялом. В изголовье, вместо подушки лежала стопка книг.

– Так вот откуда здесь свежий воздух! – воскликнул Глеб, обнаружив в противоположном конце комнаты еще одну дверцу. Она оказалась открытой.

– Ушел, собачий сын! – с досадой констатировал следователь. Не успели мы его схватить!

– Да, здесь явно кто-то жил! – согласился один из сержантов.

– Ты, ты и ты! – Серов ткнув пальцем в полицейских, приказал им: "Быстро наверх! Прочесать окрестности!" Сам же, выйдя из склепа, подошел к Митричу, который с любопытством наблюдал за происходящим.

– Ну, почти поймали мы ваше привидение! Можете пойти взглянуть, как оно там обосновалось.

– Нет, ни за что! – твердо ответил старик и перекрестился.

– Да человек он! – не выдержав, повысил голос Серов.

– А ты на меня не ори, – ответил Митрич, потянувшись за сигаретами. Никакой он не человек! Я точно знаю.

Его спокойная уверенность, поначалу взбесила Глеба. Но волю эмоциям он решил не давать.

– Ну, если хотите, то пусть будет не человек, – примири-тельно сказал он. Но разве привидения спят на кроватях? На сей вопрос, Митрич лишь молча пожал плечами.

Глеб распорядился доставить к нему человек пять местных жителей. Двух в качестве понятых, а остальных, как свидетелей.

После того, как они с любопытством спустились в подвал, чтобы своими глазами увидеть странное прибежище таинственного незнакомца, следователь их допросил. Оформив все необходимые протоколы и опечатав склеп, он простился с Митричем и уехал.

На следующее утро, в кабинет к Серову явился недовольный майор Овчаров.

– Не мог меня подождать, что ли? – укоризненно спросил оперативник.

– Прости, Женя, решил не откладывая все выяснить, – попытался оправдаться Глеб.

– Да ладно, уж! – закурив, Овчаров сел на стул и сказал, что надо срочно выезжать в Москву.

– Зачем? – удивился следователь.

– Чтобы со специалистами из МГУ пообщаться, – пояснил Овчаров. В Тамбове я не нашел никого, кто мог бы ответить на наши вопросы насчет черепа.

– Тогда подожди, пока экспертиза шерсти не будет готова, – попросил приятеля Глеб.

– Ладно, – кивнул оперативник.

Следователь доложил руководству о ходе расследования и оформил командировку в Санкт-Петербург. Он полагал, что пришла пора допросить Георгия Степановича Никитина – отца погибшей Светланы.

... В культурную столицу Глеб Серов прибыл на следующий день, около 9 часов утра. Он рассчитывал, быстро обернуться и уже вечером отбыть в Тамбов. Но таксист, которого он остановил, расстроил майора.

– Куда вам? В Вуоксу? Садитесь, через пару часов, возможно, будем на месте...

– Через пару часов?.. – удивился следователь. Я думал добраться быстрее...

– Не получится, шестьдесят "км" от Питера, да и пробки еще... – пояснил водитель. Так и получилось. Часа примерно через два с лишним Глеб стоял возле огромных кованых ворот солидного трехэтажного особняка.

– Здравствуйте, я следователь следственного управления майор Седов, – нажав кнопку домофона, представился он.

– Встаньте, под камеру и предъявите удостоверение, – попросил его охранник, сидевший за пультом. Я сейчас доложу

хозяину.

Прошло около десяти минут, пока следователя, наконец, пустили во двор дома Никитина.

Владелец особняка встретил Серова в холле.

Тот сразу же обратил внимание на абсолютно белые волосы Никитина, резко контрастировавшие с его красным лицом.

– Чему обязан? – вместо приветствия спросил отец потерявшей.

Представившись, следователь попытался объяснить цель своего визита. Поначалу Никитин наотрез отказывался дать хоть какие-нибудь показания. Тогда Серов вынужден был надавить на него.

– Поймите, это формальность, не я, так другой следователь придет. Вы ведь хотите, чтобы мы до конца разобрались в этой страшной трагедии, – сказал Глеб.

– Вы разберетесь, как же ... – криво усмехнулся хозяин дома. Толку от вас, как от козла молока. Ну ладно, пойдем ко мне в кабинет, там и поговорим. Васька! – крикнул вдруг Никитин. Не пускай ко мне никого, понял?

– Да шеф! – отозвался охранник в черном костюме.

Кабинет Георгия Степановича располагался на втором этаже и являл собою образчик английского стиля. Посреди комнаты стоял большой письменный стол из резного мореного дуба. Его украшал малахитовый письменный прибор и пара подсвечников. "Кажется, серебряные..." – подумал Се-

ров. Позади стола и вдоль стен из книжных шкафов хвастливо выпячивали кожаные корешки дорогие издания. "Надо же, судя по физиономии, – обычный бандит, а так любит литературу" – пронеслось в голове у следователя. "Впрочем, вряд ли он прочел хотя бы одну книжку".

Пройдя к ближайшей полке, хозяин отодвинул книги и достал из-за них початую бутылку виски. Налив два стакана до половины, он предложил один из них гостю.

– Я на службе, – попытался отказаться Серов, но Георгий Степанович жестом руки попросил его замолчать.

– За упокой души моей доченьки, – произнес Никитин и голос его предательски дрогнул.

В такой ситуации следователь лишь мог последовать примеру хозяину дома.

– За упокой души ее, – с этими словами Серов опрокинул стакан.

– Ну что, будешь писать? – Никитин сел за стол и предложил гостю начинать допрос. Ответив на все обычные в таких случаях вопросы, Георгий Степанович вдруг сказал: "Я не верю, что вы, менты, сможете найти того, кто это сделал. Поэтому, я сам начну расследование."

– Но это незаконно, – ответил Серов.

– Плевать я хотел на закон! – рявкнул хозяин дома. У меня дочь погибла страшной смертью, а ты мне тут про закон чешешь!

– Так я здесь для того, чтобы расследовать эту трагедию, –

напомнил ему майор. И попрошу обращаться ко мне на "вы"!

– Ладно, извините, – пробормотал Никитин. Но не верю я ментам. То-есть, полицейским!

– Лучше скажите, могли организовать нападение ваши враги? Ведь их у вас предостаточно?

– Да, врагов хватает, – кивнул Никитин. Но они постарались бы убить меня, а не мою Светланку!

И убивали бы не так. Стреляли или взрывали бы.

А здесь, черт знает, что такое! Вот вы можете, сказать, кто ее убил? Кто?!

– Я пока не знаю, – ответил следователь.

– Вот то-то же, не знаю... торжествующе передразнил его Никитин. А то, расследование...

– Я направил на экспертизу клочок шерсти, который нашли в руке у погибшего охранника. И еще кое-что обнаружил... – пояснил Серов.

– Хочешь сказать, не человек убил? – Никитин взглянул собеседнику прямо в глаза.

– Возможно, – уклончиво ответил тот. Но за всеми преступлениями, обычно стоят люди. Надо копать.

– Ну и копай, и я тоже копать буду, – хозяин кабинета налил себе еще один стакан. До краев. – Вам не предлагаю, говорите же, служба!

Проглотив граммов двести и, даже не поморщившись, Никитин продолжал: " Найду того, кто дочь мою... Сам, своими руками ... Медленно кончу..."

– Что-то необычное вы в тот вечер не заметили? – напоследок спросил следователь.

– Артемьев рассказывал про жуть какую-то, которая рядом с его домом вроде бы обитает... – подумав, ответил Никитин и спросил: "Свету когда из морга вашего забрать можно?"

– Когда экспертиза готова будет, – ответил Серов. – С супругой вашей можно побеседовать?

– Она в клинике сейчас лежит, – взглянув на Серова мутными глазами, ответил Георгий Степанович. В Питере она, – с этими словами, он на клочке бумаги нацарапал "паркером" адрес частной психиатрической клиники.

– Спасибо, – попрощавшись с хозяином, следователь сказал, что сейчас заедет и переговорит с супругой Никитина.

– Постой! – остановил его хозяин дома. Васька! Скажи Игорю, чтобы машину подал. Человека в клинику пусть отвезет, потом билет возьмет до Тамбова и отправит!

Поблагодарив Георгия Степановича, Серов сел в "БМВ" и отправился к его жене, Ксении Владимировне. Если бы не охранник Игорь, который заверил врача, что визит согласован с Георгием Степановичем, к его жене следователя бы не пустили.

К сожалению, толку от беседы с ней оказалось немного. Женщина была в состоянии сильнейшего нервного потрясения. Поэтому, выяснить у нее что-то полезное для следствия не представлялось возможным...

Глава 12

...– Направо! – скомандовал мужик в кожанке. Махнув рукой, он указал жестом, куда именно следует отвести есаула. Двое матросов, схватив Константина Евгеньевича, отвели его к левому борту. Где уже стояли человек двадцать.

– Ну что, знаете вы его? – спросил мужик в кожанке у Арнольда Карловича. Хирург замялся. – Да что ты, скотина, к нему пристал! – заорал есаул, не желая, чтобы молчание врача было расценено членами комиссии, как попытка скрыть врага революции. Сказано, же было, знает он меня! После ранения я в том госпитале лежал, где он служил! Лечил он меня!

– Заткнись, гнида! – заорал в ответ мужик в кожанке. Ты, хоть, понимаешь, что через полчаса тебе конец?

– Ну и что! – в запале крикнул Константин Евгеньевич. Зато умру, как честный человек!

Однако, несмотря на всю свою браваду, есаул почувствовал, как враз ослабли его колени. Ощувив, охватившую все его существо подлую слабость, он выпрямился и решил умереть с достоинством, не посрамив чести русского офицера и дворянина.

– Смотрите, не каждый бы так смог! – прошептал Григорию Беляеву, стоявший рядом с ним мужчина средних лет. По выправке видно было, что он тоже из офицеров.

– Лучше бы заткнулся ... – с досадой ответил Григорий. Теперь его уж точно шлепнут.

– А они и так никого не помилуют, – ответил его собеседник. И оказался прав. Всех, кого привезли на старом судне, после короткого разбирательства, отвели к правому борту. Но матросы – не конвоиры и потому сделали одну, но очень большую ошибку – не связали своим пленникам руки.

– Эй, ты! – обратился председательствующий на судилище к молодому человеку – тому, что указал на есаула. Говоришь, жизнь за народ отдашь? Не нужна нам пока твоя жизнь. На! – с этими словами мужик в кожанке протянул тому заряженный револьвер.

– Ну что встал, как столб? – заорал на него "кожаный". Пристрели кровососа!

Понимая, что теперь его собственная жизнь висит на волоске, молодой человек повернулся и направился к спокойно стоявшему рядом с другими приговоренными Константину Евгеньевичу.

– На тебе, контра! – вдруг тоненько и хрипло вскрикнул свеженазначенный палач. И направил ствол нагана на есаула. Но тот вместо того, чтобы взмолился о пощаде или хотя бы молча принять неизбежное, вдруг резко нагнулся и, как пантера, прыгнул на молодого человека. Выхватив из его руки револьвер, Константин Евгеньевич врезал своему несостоявшемуся убийце по носу и навел наган на заседавшую за столом комиссию. Мужик в кожанке и двое его подручных враз побледнели. Их глуповатые лица приняли одинаковое выражение тоскливого ужаса. Матрос, что стоял слева

от приговоренных, передернул затвор и вскинул карабин. Но выстрелить не успел. Пуля, выпущенная из нагана угодила ему прямо в лоб. – Хватай оружие! – крикнул Константин Евгеньевич товарищам по несчастью. Но остальные матросы, которых к слову на судне было человек двадцать, уже пришли в себя. Загрохотали выстрелы, начали падать убитые и раненные люди...

Увидев, как упал насмерть сраженный пулей Григорий Беляев, есаул дважды выстрелил в окаменевших за столом членов комиссии и, сунув наган за пояс, кинулся за борт. Следом за ним прыгнули еще несколько человек. Черная ледяная вода возле судна вся закипела от выпущенных в беглецов пуль.

Барахтаясь в киселе из полужамерзшей воды и льда, чувствуя как все тело сковывает адский холод, Константин Евгеньевич пытался сообразить, где причал? Справа? Слева?

Одновременно в его голове, словно серебряный колокольчик, звенело одно и то же: "татарка на Екатерининской!", "татарка на Екатерининской!". Тут он вдруг ударился головой обо что-то твердое и, по всей видимости, железное. Это оказалось бортом судна, на котором матросики растрелили пленных. Осторожно высунул голову на поверхность и осмотрелся. Затем несколько раз глубоко вдохнув, есаул вновь нырнул под воду и поплыл по направлению к причалу. Понимая, что на берегу тьма-тьмущая матросов, которые с превеликим удовольствием сразу же его пристрелят, выле-

зять на сушу офицер не стал. Сколько времени он провел в ледяной воде, Константин Евгеньевич не помнил. И как очутился в шаланде, под тулупом, тоже. В себя он пришел от сильных ударов по щекам шершавой ладонью.

– Глядь-ко, дед Панас, живой кажись! – прозвучало у есаула над ухом. Отогнув тулуп и приподняв голову, Константин Евгеньевич увидел мужика с седой бородой.

– Ну, шо, будем жить, али нет? – спросил тот.

– Даст Бог, будем, – ответил есаул.

– Ну, вот и ладно, – седобородый закурил трубку и, откинувшись назад, привалился к скамье.

– Диду! – обратился к нему паренек лет пятнадцати, шо теперь с ним делать будемо?

– Идти есть куда? – поинтересовался тот, кого звали дедом Панасом.

– Да, – ответил их чудом спасенный собеседник.

– В Севастополь.

– Не близко... – дед Панас выбил трубку и медленно произнес: "Иди Михайло, взгляни, нет ли матросиков поблизости." Услышав эти слова, есаул протянул руку к поясу. Туда, где у него должен был быть наган. Но револьвера там не было!

– Шо, шпалер потерял? – усмехнулся дед Панас. Не треба он тебе сейчас! Да ты не бойся, мы тебя не выдадим, – продолжал бородатый. Как стемнеет, так на хату отведем. Там и отсидишься, а потом – иди себе с Богом!

Как про себя заключил офицер, дед Панас и его внук Мишка были контрабандистами. Поэтому ни со старой, ни с новой властью общаться им было не с руки.

– Как я к вам то попал? – спросил их Константин Евгеньевич. Выплыл, что ли?

– Ха! Выплыл он! – засмеялся Мишка. Когда мы в своей шаланде с дедом сидели, глядим, кто-то о борт башкой бьет-ся! Оказалось, ты самый и был.

– От берега далеко меня выловили? – поинтересовался офицер.

– Ой, далеко! – уже откровенно заржал Мишка. Шагах в пяти!

– Аккурат возле причала ты нам в борт и начал долбиться! – пояснил бородатый.

– Так, вы, что, не в море были? – удивился Константин Евгеньевич.

– Нет, – замотал головой дед Панас. Мы, как возле причала пришвартовались, так там и стояли. Это тебя к нам прибило.

– Значит, правильно плыл, – сам себе сказал есаул и тихо спросил: "Больше никого не видели?"

– Зачем, не видели? С десятков мертвяков мимо пронесло, – ответил дед Панас. Мы то сразу поняли, что ты из этих.

– Не из каких я, не из этих! – возмущенно ответил офицер.

– Ну, тогда, значит, из тех, – примирительно махнув ру-

кой, заключил дед Панас. И повернулся к Михайле:" Чисто ли на причале?"

– Никого уже там нет, – ответил паренек.

– Тогда пошли, – распорядился старый контрабандист.

Они привели спасенного в хату к какой-то пожилой женщине. Звали ее теткой Клавой и приходилась она деду Панасу родной сестрой. Хозяйка всех накормила, напоила водкой и уложила спать. Ночью у Константина Евгеньевича начался сильный жар и пару дней он провалился с температурой. Потом, однако, разнообразные настойки и притирания, коими потчевала больного хозяйка, взяли верх над болезнью.

– Что это ты, милоч, в бреду какую-то татарку с Екатерининской поминал? – спросила тетка Клава. Она, часом не в Севастополе живет?

– Я не знаю ... – стараясь не выдать местонахождение своей Наташеньки, соврал есаул.

– Да ладно тебе!.. – тетка Клава махнула рукой и, глядя офицеру прямо в глаза, произнесла: "Ее звать Вазиха, она моя подруга! Я с ней с детства знакома. Но она, конечно, годков на двадцать постарше меня будет. Вместе жили здесь, в Евпатории. Так, зачем она тебе понадобилась? Говори или сдам тебя матросам!"

– У нее живет моя девушка, – ответил Константин Евгеньевич. И мне, как можно скорее, надо попасть в Севастополь.

Внимательно глядя ему в глаза, будто пытаюсь найти там

ответ на свой вопрос, тетка Клава медленно кивнула.

– Тогда ясно. Но смотри, если что худое с Вазихой сделаешь, я тебя прокляну и весь род твой!

– Да мы и без тебя, тетка, уже прокляты! – ответил есаул. Посмотри, что с Россией-матушкой сотворили!

– Я тебе помогу, – пропустив мимо ушей замечание собеседника, сказала тетка Клава. Но помни, Вазиха вовсе не такая ясная и открытая, как ее имя. Она знает много такого, о чем простые люди даже и не догадываются. В Севастополь отправишься завтра, перед рассветом. В провожатые возьмешь Михайлу. Вот, держи, отдашь Вазихе, скажешь – от меня! – с этими словами она передала Константину Евгеньевичу золотой браслет с зеленым камешком. – "По виду, явно старинной работы" – отметил про себя есаул.

В четыре часа утра, тетка Клава, разбудив офицера и своего внучатого племянника, снабдила их провизией и отправила восвояси. Добираться решили пешком, так им было легче прятаться от красных патрулей.

– Пойдем вдоль берега, – пояснил Михайло. Торопиться не станем, а то помрем от усталости. Ведь до Севастополя-то верст около сотни будет!

Добирались почти неделю. И, наконец, вот он – город русской морской славы! Промокшие, грязные и голодные как волки, они подошли к маленькому одноэтажному домику, что притулился неподалеку от площади Суворова...

... Вернувшись через три дня в райотдел, Серов столкнулся в коридоре с оперативником Овчаровым. Войдя в кабинет, тот положил на стол Серова бумаги.

– Заключение экспертиз по черепушке принесли, – лаконично пояснил оперативник. Я перехватил.

– Спасибо, Женя, – поблагодарил его следователь. А с учеными-зоологами ты встречался?

– Встречался, – кивнул тот. Говорил сразу с двумя. С профессором, доктором биологических наук Иваном Федоровичем Бертеневым и кандидатом биологических наук Сергеем Витальевичем Полетаевым. Они оба утверждают, что одним черепом причинить такие повреждения, как у потерпевших, просто невозможно.

– Но они же не видели этого черепа? – спросил следователь. Я ж его на экспертизу отправил.

– Да он им и не нужен, – отмахнулся Овчаров. – Они говорят, чтобы так отделить голову, как у Светланы, перекусить позвоночный столб и раздробить позвонки, необходимо приложить огромные усилия. Словом, нужно какое-то приспособление.

– Может, оно и было, но мы его не нашли? – предположил Серов. Или убийца унес его с собой?

– Вряд ли, – с сомнением покачал головой оперативник. Выжившие охранники говорят о том, что нападение было молниеносным. Когда тут какие-то приспособления применять?

– Да, согласен, – кивнул следователь. Значит, не человек?.. А ты не спрашивал их, какое животное может оставить такие раны?

– По-твоему, я вообще debil? – вскинул брови оперативник. Спрашивал, конечно. Они сказали, что лев, медведь, волк, тигр, леопард, гиена, ягуар. Из этого списка у нас только медведи и волки.

– Согласен, но если кто-то дома держит хищника, леопарда или тигра и натравливает его на людей?

– Нет, – замотал головой майор Овчаров. Ученые сказали, что с крупными кошками очень непросто справиться даже профессиональному дрессировщику. Некоторых эти кошечки даже загрызли. Да и как ты это себе представляешь? Держать дома льва, тигра или леопарда? Его же выгуливать надо, а соседи что скажут? Нет, это не вариант!

– Может, собаки? – словно утопающий, цепляясь за последнюю соломинку своей версии, поинтересовался Серов. Особенно, крупные? Мастиффы, стаффорды?

– Нет! – безжалостно разбил его надежды Овчаров. Ну, то есть, если долго грызть будут, тогда может быть и смогут голову отделить. Но, ведь, здесь, все произошло очень быстро! Накинулся, рванул клыками и все...

– Жаль, если не собаки... – с сожалением вздохнул следователь. Тогда было бы намного проще...

И он углубился в изучение выводов экспертов.

– Смотри! – спустя минуту воскликнул Серов. Женя, тут

сказано, что на клыках черепа кровь сразу трех групп. Причем, одна совпадает с группой Светланы – первая, а другая – третья. Как у охранника Бориса!

– А еще одна? – спросил Овчаров, которая тоже на клыках осталась?

– Видимо у раненных секьюрити Виктора и Владимира Петракова одна и та же группа – вторая. Я же их не направлял на судебно-биологическую экспертизу. Сейчас заполню постановление, а ты, будь добр, притащи ко мне обоих раненных. Еще бы узнать группу крови жениха... Он же тоже был ранен.

– Ладно, – проворчал майор.

– Тебе не кажется, что кто-то сильно старается запутать расследование? – нахмурившись, спросил он на прощание.

– Хочешь сказать, подбросил фальшивую улику? Черепушку? – уточнил следователь.

– Да, возможно...

– Может старик, как-то замешан? – предположил оперативник.

– Митрич-то? – удивился Серов. Нет, вряд ли...

– Возможно, кого-то покрывает? – не сдавался Овчаров. Например, того парня с усами, который от нас так быстро смылся?

– Не думаю, но на всякий случай давай-ка выставим за ним тапки (на сленге оперативников – организуем наружное наблюдение).

– Лишним не будет, – одобрительно кивнул собеседник.

– Женя, я съезжу к Артемьеву, – Глеб поднялся со стула.

Узнаю, как там его сын. А ты – за охранниками.

Николая Михайловича следователь нашел в его особняке.

Прием Серову был оказан примерно такой же, как и в доме у Никитина. Владелец, сначала не хотел пускать его в дом, но потом, все-таки решил побеседовать.

– Я понимаю, у вас служба, сроки, – сказал Артемьев гостю. Но поймите и вы меня! У меня сын в психиатрической лечебнице!

– Я все понимаю, Николай Михайлович, – ответил следователь.

– Ваш коллега хотел его задержать и допросить, – возмущенно сказал хозяин особняка.

– Да, я знаю, – кивнул Серов. К сожалению, встречаются еще такие, как наш Семенов...

– Его бы активность, да в нужное русло, – почесал левую бровь Артемьев. Да уж ладно, проходите.

Они поднялись в гостиную и, предложив гостю сесть, Николай Михайлович принялся расхаживать по комнате.

– Не обращайтесь внимания, нервы, – отрывисто бросил он. Спрашивайте.

– Мною получены сведения о том, что ваш сын состоял в каком-то сообществе, – начал следователь. Они там мистикой интересовались. Короче говоря, всякой нечистью, которая, якобы, встречается на тамбовщине. Что вам про это из-

вестно?

– Миша действительно интересовался всякими необычными проявлениями, – пожал плечами хозяин дома. Но я не понимаю, как это связано с этим кошмаром?

– Может, ему кто-нибудь угрожал? – не отвечая на вопрос Артемьева, продолжал допытываться Серов. Он никому не был должен? В казино не играл? С криминальными субъектами не общался?

– Нет, конечно! – возмущенно ответил Николай Михайлович. Миша, умный и рационально мыслящий молодой человек.

– А Никитин говорит, будто вы в тот злополучный вечер рассказывали ему про какие-то местные страсти? – Серов вопросительно взглянул на Артемьева.

– Да, припоминаю, – кивнул тот. Здесь, в этом районе до революции жили мои предки. Обычные крестьяне. Так вот, в 1918-ом, кажется, местные ополчились на владельцев усадьбы. В итоге, старики погибли. Но хозяин, вроде бы, успел прихватить с собой на тот свет и нескольких нападавших. По словам местных жителей, здесь происходят всякие странные и страшные дела. То привидений люди увидят, то убитых найдут. Причем, убивает явно не человек. Тела, обычно, сильно покалечены. Так люди говорят. Такое как отмечалось до революции, так и тянется до наших дней. Вот взгляните, если любопытствуете, – хозяин взял со стола несколько пожелтевших от времени листов бумаги и протянул их следо-

вателю.

"Древний кошмар тамбовщины" – вслух прочел Серов. Это что такое? – вопросительно взглянул он на Николая Михайловича.

– Уцелевшие записи одного из местных краеведов... – ответил тот.

"... Ужасный, нечеловеческий вопль огласил, казалось, все села окрест Моршанска" – продолжил читать Серов. "Что это?! Кто?!" – шептались насмерть перепуганные крестьяне. И трясущимися руками старались как можно надежнее запереть свои ветхие жилища.

– Пустое... – обреченно выдохнул седой, будто лунь старик, увидев, что его домочадцы пытаются надежнее привалить дверь избы тяжелой скамьей.

– Он явил себя снова!

– Кто, кто явил, деда?.. – трепеща, словно осиновые листья на ветру, испуганно шептали наперебой маленькие внучата.

– Он, пес-ведун, – тихо отвечивал старец и, перекрестившись, стал истово молиться потемневшим от времени старым иконам.

Следующим утром за околицей местные крестьяне наткнулись на жуткую картину. Сразу даже нельзя было понять, кто же все-таки распрощался здесь с жизнью?

Из разодранной в ключья материи торчали окровавленные ребра и кусок позвоночника. Кости рук и ног несчастного

кто-то неведомый переломал как спички, а поодаль валялась чужья голова. На которой отчетливо зияли следы ужасных острых зубов. Местами, череп был прокушен, будто был из папье-маше...

Прибывший вскоре полицейский урядник сначала принялся дотошно опрашивать крепостных. После чего аккуратно отметил в своей служебной книжечке: "Имя погибшего неизвестно, вероятно, сгинул от нападения диких зверей". Рядом с кошмарными останками нашли и странный ржавый нож, отдаленно напоминавший серп. Присмотревшись, на потемневшем от времени мощном остром клинке можно было различить какие-то непонятные изображения, по-видимому, исполненные серебром.

Над Моршанском и окрестными селами, как уже не раз бывало в старину, вновь расправил свои черные крыла нечеловеческий ужас..."

– Ну и ну! – оторвав глаза от текста, только и сказал следователь.

– Подобное и до войны было, и после, – пояснил Николай Михайлович.

– До какой, гражданской? – уточнил Серов.

– И до гражданской, и до Великой Отечественной, – ответил Артемьев. И после...

– Вы хотите сказать, что ни одно из подобных убийств не раскрыто? – удивился следователь.

– Не берусь утверждать, но вроде бы так, – кивнул владе-

лец дома.

– То-есть, вы, в самом деле, считаете, что в смерти Светланы, охранника Бориса, в ранениях вашего сына и двух охранников виновны привидения? – с любопытством глядя на Николая Михайловича, спросил Серов.

– Я понимаю, звучит дико, но мне так кажется, – пожал плечами хозяин особняка. У меня врагов нет, а если бы и были, то не такие, кто желает смерти моему сыну или его невесте. В крайнем случае, их могли бы похитить и потребовать выкуп. Но не убивать и не сводить же с ума! – Артемьев, вдруг весь затрясся и прижал ладони к лицу. Извините меня за этот срыв, – попросил он Серова, справившись с приступом горя. Понимаете, Миша – мой единственный сын. Но он не может ничего рассказать. Он – сошел с ума!

– Не отчаивайтесь, у нас хорошая медицина, врачи должны помочь, – попытался успокоить Артемьева следователь.

– Очень хотелось бы на это надеяться, – тихо пробормотал хозяин дома.

– Можно мне увидеть вашего сына? – осторожно спросил Серов у Николая Михайловича.

– Так он же невменяем! – почти выкрикнул тот. Зачем он вам? Бесполезно все это!

– Позвольте, пожалуйста, попытаться, – не реагируя на экспрессивный выпад Артемьева, тихо повторил просьбу следователь. Поверьте, это очень важно.

– Хорошо, вот адрес клиники, – хозяин особняка взял со

стола блокнот и, написав строчку, вырвал лист и протянул Серову.

– Спасибо, – коротко поблагодарил его майор.

– Я сейчас позвоню доктору и предупрежу его о вашем приезде, – Артемьев вытащил из кармана брюк сотовый телефон и набрал номер. Переговорив с врачом, он обернулся к гостю: "Все, можете ехать. Но хочу предупредить, вас о том, что я сам начну расследование."

– То же самое сказал мне и Никитин, – вздохнул Серов. И я, как и его предупреждаю вас о том, что это – незаконно.

– Дело в том, что вчера мне позвонил генерал Сартаков, – глядя на следователя неподвижными глазами, сказал Николай Михайлович. Он руководит спецуправлением, которое занимается аномальными явлениями. Сартаков посоветовал мне нанять одного очень опытного в этой сфере детектива. Он живет во Франции, но сам является потомком русских дворян, эмигрировавших после революции.

– А что же наши, не могут, что ли? – удивился Серов.

– Наши все еще находятся под впечатлением от диалектического материализма. Который, как известно, отрицает возможность существования паранормальных явлений и, тем более, сущностей, – пояснил Артемьев.

– Вы, получается, верите во все это ... – следователь замялся, подыскивая нужное определение, ... мистическое?

– Да, – коротко ответил его собеседник.

– Ну, тогда я вынужден вас просить от том, что когда вы

подключите к расследованию этого русского француза, то обязательно поставьте меня в известность, – Серов встал и, попрощавшись, покинул особняк Артемьева...

Глава 14

... Постучав в некрашеную дощатую дверь, Константин Евгеньевич почувствовал, как у него сжало сердце. Никто не отзывался. "Неужели и Наташеньку взяли?" – подумал он. Но тут же прогнал от себя эту мысль.

– Померли они все, что ли?! – раздраженно засопел замерзший и голодный Михайло.

– Тихо ты! – шикнул на него есаул.

Но вот, наконец, послышались чьи-то шаркающие шаги и дверь дома, заскрипев на давно не смазанных железных петлях, нехотя отворилась. На пороге появилась высокая и костлявая старуха, облаченная в старый серый больничный халат. Голова ее, словно тюрбаном, была обмотана цветастым платком, а на шее вперемишку висели янтарные бусы и серебряные цепочки с прикрепленными к ним серебряными же монетами.

– Ну, чего вам еще надо? – будто ворона, нацелив на непрошенных гостей свой длинный тонкий нос, спросила она.

– Здравствуйте! – в ответ на не слишком то любезный прием ответил офицер. Нас к вам послала ваша подруга из Евпатории.

– Какая еще подруга? – женщина недоверчиво просверли-

ла есаула большими черными глазами.

– Ну, тетка Клава, сестра деда Панаса, – вмешался продрогший на утреннем тумане Михайло.

– Так бы сразу и сказали! – проворчала женщина. – А то ходят вокруг да около...

– Вас зовут Вазиха? – спросил офицер.

– Да, – кивнула та. Люди еще ведьмой Вазихой кличут.

– Нет, мы так вас звать не станем, лучше будьте тетей Вазихой. Да! – спохватился есаул. Вам тетка Клава вещь одну передала, – с этими словами он вытащил из кармана грязную тряпицу и развернул ее.

– Давай сюда! – схватив браслет, тетя Вазиха быстро огляделась по сторонам. Ты, что же делаешь? Не мог после отдать? Глаза же кругом!

– Да нет тут никого, – обзрев окрестности, ответил Константин Евгеньевич.

– Знаешь ты много! – презрительно скривив губы, хозяйка грубо втолкнула обоих гостей в дом.

– На днях, вот так же к соседке пришли, вроде за самогонном, а потом забрали и – в расход!

– Красные? – поинтересовался Михайло.

– А то кто же? Других у нас пока нет, – кивнула женщина.

– Скажите, Наталья Абашева, медсестра еще у вас? – с надеждой спросил Маматов.

– Откуда знаешь, что у меня? Кто сказал? – хозяйка подозрительно нацелила на есаула свой длинный нос.

– Врач, Арнольд Карлович, – ответил офицер.

– Откуда его знаешь? Где видел? – прозвучали новые вопросы.

– Тетя Вазиха, вы не обижайтесь, пожалуйста, но вы прямо, как чекист! – покачал головой Константин Евгеньевич. Знаю его еще по госпиталю, они вместе с Владимиром Еврафовичем меня выхаживали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.